

М. ЩЕДРИНСКИЙ

ЗАПИСКИ ИЗ ФАШИСТСКОГО ПЛЕНА

Екатеринбург 2016

УДК 355.292.35
ББК 63.3(2)622,7
Щ35

Щедринский, М. Б.
Щ35 Записки из фашистского плена [Текст] / М. Б. Щедринский. – 2-е изд. –
Екатеринбург : ООО «Издательский дом „Ажур“», 2016. – 92 с.

УДК 355.292.35
ББК 63.3(2)622,7

© М. Б. Щедринский (наследник), 2016
© Г. Е. Николина, вступительная статья, заключение, 2016
© А. Ю. Тюменцева, оформление, обложка, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	7
Вместо предисловия	11
Необычная встреча	15
Так началась здесь война	19
Не сдались, а попали в плен	23
Дорога в первый лагерь	31
Лагерь в городе Порхов	43
В Западной Белоруссии	61
Заключение	79

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
СОВЕТСКИХ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ,
МУЖЕСТВЕННО БОРОВШИХСЯ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1941–1945 годов
И ЗАМУЧЕННЫХ В ФАШИСТСКОЙ НЕВОЛЕ

М. Щедринский (Щедрин)

Михаил Борисович ЩЕДРИНСКИЙ,
старший лейтенант

К читателю

В 2015 году мы отмечаем великую дату в истории нашей страны – 70 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне. О событиях тех далёких дней написано достаточно книг, проведено множество исследований. Но именно в эти дни, когда фашизм в Европе вновь поднимает голову, когда искажаются исторические факты и ставятся под сомнение итоги Второй мировой войны, эта книга нужна подрастающему поколению нашего города, нужна семьям участников войны. Мы должны знать горькую правду о прошлом и всегда гордиться нашими предками.

Память о своём родственнике бережно хранят в семье Михаила Борисовича Щедринского.

Удивительна и трагична его судьба, он сумел вернуться в Асбест живым, невзирая на все трудности на фронте и «похоронку», которую получила семья.

Михаил Борисович родился 22 декабря 1913 года в Челябинске. Рос спокойным и выдержанным мальчиком. В 1919 году умер отец – участник японской войны. Мишу с братом Владимиром воспитывал отчим – очень хороший человек. Их семья переехала в Нижний Тагил.

Там Михаил закончил семилетку и поступил в Нижнетагильский горно-металлургический техникум. С детских лет он был активным пионером, а в техникуме стал активным комсомольцем, за что и был выбран секретарём комсомольской организации.

В 1932 году вступил в ряды ВКП(б), в 1933 году – окончил техникум. Затем работал сменным инженером на Высокогорском руднике. Там тоже заметили его общественную активность, избрали Первым секретарём ГК ВЛКСМ¹.

Потом Михаил Борисович был переведён на Тагило-Васинский золото-платиновый комбинат. Там он и познакомился с будущей женой.

В 1934 году женился на Марии Ильиничне Быковой, которая после окончания Горно-промышленного училища работала у него в смене мотористкой.

---

¹ Городской комитет Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодёжи.

В 1936 году молодая семья переехала в Асбест. Трудовую деятельность в нашем городе Щедринский начал начальником смены на фабрике № 2. Затем был заведующим лабораторией, начальником цеха, главным инженером. До войны успел поработать на фабрике № 3 и Октябрьской фабрике. И тут началась война.

Многие товарищи Щедринского ушли на фронт, но его не брали и как гражданского специалиста, чьи знания и опыт нужны в тылу, и как имеющего физический недостаток (у него плохо видел правый глаз).

Михаила Борисовича тяготила мысль, что он, офицер запаса, сидит в тылу, когда на фронте решается судьба Родины. «Дед мой – старый солдат. Отец мой был солдатом. А сию и жду готовую победу», – переживал Щедринский.

В очередной раз Михаил Борисович подал заявление с просьбой отправить на фронт: «Я, коммунист и политрук запаса, не могу в такие грозные для моей Родины дни сидеть дома, поэтому прошу ВКП(б) отправить меня на фронт, где я оправдаю доверие партии, воспитавшей меня...».

В декабре 1941 года пришёл удовлетворительный ответ.

В Свердловске в областном военкомате Щедринского зачислили в состав Московского Краснознамённого военно-политехнического училища, в роту усовершенствования старшего и среднего командного состава. Училище во время войны располагалось в Шадринске.

23 февраля 1942 года Михаил Борисович со своими друзьями по училищу принимал присягу.

На следующий день старший лейтенант Щедринский получил назначение на Северо-Западный фронт.

До Москвы доехали спокойно. Тут он и почувствовал военную обстановку. Перед Москвой стали строже проверять документы, на вокзале патруль проверял каждого человека. На крышах – зенитки, на улицах – баррикады. Далее двинулись на город Клин, поезд обстреляли, Щедринский был легко ранен в руку.

Через две недели прибыли на место, Щедринский был назначен комиссаром батальона. Михаил Борисович быстро вошёл в свою роль, и уже через неделю уверенно командовал левым флангом при форсировании реки.

Довелось испытать на себе и рукопашный бой. Но тяжелее всего было отступать. Щедринский как мог поддерживал бойцов словом. И очень надеялся, что скоро будет наступление. Так и случилось – при поддержке артиллерии его батальон пошёл в наступление. Фашисты были зажаты в кольцо и уничтожены.

Однажды ночью Щедринский, возвращаясь из политотдела, наткнулся на группу противника. В этом бою он был ранен второй раз, серьезнее,

в левый бок. Но получив первую помощь в санчасти, от госпитализации отказался. Знал, что его ждут в дивизии. Готовилось наступление.

В следующем бою был ранен командир, и Михаил Борисович взял командование на себя. Ещё одно ранение в ногу. Потом ещё одно – в спину. Пять дней в санчасти – и снова к своим в родную роту. Вскоре пришёл приказ о присвоении Щедринскому звания капитана.

В следующем бою за Ленинград Щедринский личным примером поднимает солдат в атаку и получает седьмое ранение – на это раз в живот. Очнулся в госпитале. Но после выздоровления – снова на защиту Ленинграда.

В феврале 1943 года шли бои в районе Демьянска – Старая Русса. Батальон Щедринского вёл бой в лесу, свистели пули и рвались мины. В этом бою Михаила Борисовича серьёзно ранило в обе ноги. Он потерял сознание. Бойцы посчитали его убитым. Батальон отступил.

Домой Щедринскому послали «похоронку», в которой говорилось, что «Щедринский Михаил Борисович, уроженец города Челябинска, ул. Пушкинская 36, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит в бою с немецкими оккупантами 29 сентября 1942 года. Похоронен – лес Андрюшин угол между деревней Козлово и Великим селом Залугского района Ленинградской области».

И вот тут-то началась вторая жизнь Михаила Борисовича.

Сначала – несколько дней без еды и воды на поле боя среди трупов, а затем – плен. Эту историю Щедринский подробно описал после войны в «Записках из фашистского плена». Читать их тяжело и, порой, неприятно, но это – правда, которую мы должны знать, чтобы такого в истории нашей страны больше не повторилось. Ведь война для человека – это, прежде всего, испытания и не только физические, а, больше, испытания для души, для характера – на прочность, на смелость, на верность своей Родине и своим принципам. Михаил Борисович эти испытания прошёл с честью.

*Галина Евгеньевна Николина,
руководитель музея школы № 22*

Памятник гражданам Венгрии,
замученным в нацистском концлагере «Маттаузен»
в Австрии

Вместо предисловия

Нет на свете больше чести,
Чем в бою фашистов бить,
Воевать с народом вместе,
честно Родине служить.

Политрук Архипов

Здесь описываются истинные события, участником которых был автор, имевшие место в фашистских лагерях для советских военнопленных.

В результате вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз и временных её военных успехов, в руках фашистов оказалось значительное количество советских военнопленных, в основном тяжелораненых и инвалидов. Кроме того, в лагерях содержались дети 8–15 лет, пожилые люди в возрасте 60–80 лет, считавшиеся партизанами.

Грубо нарушая международное право и решения Гаагской конвенции 1907 года по вопросу о режиме военнопленных, фашисты безжалостно истребляли советских людей.

Ставя задачу массового уничтожения, фашисты хотели сломить волю советского народа к сопротивлению, а оставшихся в живых превратить в безропотных рабов, лишённых чувства человеческого достоинства.

Методично уничтожая людей, фашисты двигали их по конвейерам смерти двумя потоками. Один поток – ещё державшихся на ногах людей, шёл через жерла крематориев – Освенцима и Дахау, Маутхаузена и Майданека, Бухенвальда и Заксенхаузена. Ужасы этих лагерей смерти, потрясших весь мир, довольно широко, хотя ещё и не совсем полно, описаны очевидцами – бывшими узниками.

Второй поток жертв, где преимущественно были инвалиды, «переваривался» лагерями смерти Порхова и Глубокое, Замостье и Ченстохофа, Везуве и Ветмаршенсо, а так же другими лагерями массового уничтожения.

Здесь день ночь не пылали топки крематориев и зловеще не стелился едкий сладковатый дым, но здесь от страшного голода и холода люди ели людей. Здесь истязали и расстреливали сотнями, тра-

вили собаками и заковывали в кандалы. Капуткоманды¹ не справлялись с отвозкой мертвецов.

Страшная жизнь и геройская борьба узников этих лагерей смерти почти неизвестна широкому кругу людей. А ведь здесь тоже несмотря на дикие зверства, ужасные условия и гибель сотен тысяч людей патриоты продолжали борьбу, оставаясь верными своей присяге. Здесь существовали подпольные организации, велись патриотические беседы, распространялись листовки, совершались побег и готовились восстания.

В даваемом здесь очень кратком описании жизни и борьбы узников фашизма нет вымысла. У подавляющего большинства участников событий сохранены действительные фамилии и лишь некоторые заменены, так как не были известны или забыты.

В тексте допущено некоторое смешение событий по месту и времени.

Дорогие братья по оружию, по мукам и борьбе в фашистском плену, не забывайте всё пережитое, боритесь за счастье людей на земле. Кому как не нам быть в первых рядах в борьбе за мир. Вспомните эту клятву, которую мы торжественно произнесли после освобождения из плена на открытии памятника на братских могилах тысячам погибших товарищей в лагере Везуве на германо-голландской границе в гнилых болотах Вестфалии.

Клятва красноармейцев, офицеров и граждан, освобождённых из варварского плена фашистской Германии на траурном митинге, посвящённом открытию памятника на братских могилах.

Вечная память бойцам и офицерам Красной армии, участникам Великой Отечественной войны, замученным в варварском плену фашистской Германии 1941–1945 годов от освобождённых товарищей.

КЛЯНЁМСЯ НА БРАТСКИХ МОГИЛАХ НЕ ЗАБЫВАТЬ НАШУ ЖИЗНЬ И БОРЬБУ
В ФАШИСТСКОМ ПЛЕНУ, ГОЛОД, ГОЛОД, ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА И ИЗБИЕНИЯ.

КЛЯНЁМСЯ!

КЛЯНЁМСЯ НА МОГИЛАХ ПОГИБШИХ ТОВАРИЩЕЙ В ФАШИСТСКОМ ПЛЕНУ
ВСЕМИ СИЛАМИ И СРЕДСТВАМИ ОКАЗЫВАТЬ ПОМОЩЬ ИХ СЕМЬЯМ.

КЛЯНЁМСЯ!

КЛЯНЁМСЯ!

---

¹ Созданные группы из военнопленных, перевозящие на себе мертвецов.

Памятник узникам из бывшего СССР,
замученным в нацистском концлагере «Матхаузен»
в Австрии

Николай Игнатьевич ФЕДОТОВСКИХ

НЕОБЫЧНАЯ ВСТРЕЧА

Встречи бывают разные. Встречаются друзья после долгой разлуки, семья встречает солдата с войны, встречаются государственные деятели разных стран.

Обычно, к встрече готовятся или ждут её, зная, что она рано или поздно произойдёт. Но эта встреча была необычной.

Отгремели суровые годы войны, и, хотя ещё свежи были раны, нанесённые войной, жизнь входила в нормальную колею. Демобилизованные вернулись домой, а убитых давно оплакали, и мало кто верил, что несмотря на «похоронную» и подтверждение очевидцев-однопольчан о гибели солдата, он может вернуться домой.

Но война есть война со всей её жестокостью и самыми невероятными неожиданностями и курьёзами.

1946-й год. Тихий уральский день. Ярко светит солнце, припекая землю, и тёплый воздух напоен ароматами городского парка. В открытые окна слышен смех играющих детей, и, временами, мелодичный звук сирен проезжающих автомобилей. В одной из комнат служебного помещения идёт шумная беседа. Я стоял у окна, опираясь на костыли, когда в дверь тихонько постучали.

– Войдите! – сказал кто-то, не прекращая разговора.

Слегка скрипнула дверь и, робко переступая порог, в комнату вошёл сухощавый, широколицый, среднего роста шатен. Он был в старой солдатской шинели, в пилотке, сдвинутой набок, и с тощим вещевым мешком за плечами. Добродушное, но очень измученное лицо с выделяющимися морщинками, ярко блестящие болезненные глаза и висящие плётками руки, свидетельствовали о том, что он многое пережил.

– Здравия желаю! – произнёс он хриплым приглушённым голосом и остановился, широко расставив ноги.

Все, слегка поклонившись, замолчали, смотря на вошедшего, а он медленно поворачивался, как бы ища кого-то, и переводил взгляд с одного на другого.

Но вот наши взгляды встретились. Мгновение – и мы, изменившись в лицах с возгласами изумления и радости, обнялись и стали целоваться. По нашим щекам текли скупые мужские слёзы.

Я опомнился первым и сказал присутствующим:

– Это наш земляк Федотовских Николай Игнатьевич¹. Мы почти одновременно ушли на фронт, но воевали на разных участках.

Прошло время, и, искалеченными, мы встретились в фашистском плену. Вместе несли тяготы узников концлагерей, и, что самое странное, фашисты при мне увели его на расстрел за связь с пленными офицерами и распространение в лагере антифашистских листовок. И вот видите, какая изумительная встреча! Выходит, он дважды умирал – по «похоронной», когда попал в плен, и по моему рассказу после войны о его гибели в плену. А он победил смерть, и вот стоит искалеченный физически, но не сдавшийся врагу советский солдат. Кстати, и за меня семья получала пенсию по «похоронной».

– Да, – спросил я Федотовского, – как ты узнал, что я жив и нахожусь здесь?

Федотовский покачал головой и, вздохнув, сказал:

– Я ничего не знал о твоей судьбе и ехал передать твоим родным печальную историю плена и вручить им по твоей просьбе эту записку.

Порывшись в кармане, он достал и передал мне полинялую бумажку.

– Ты сохранил её! – воскликнул я.

– А как же. При обысках я прятал её за щёку, вот и исключивил, извини за это.

В записке я сообщал о своей судьбе.

– Да, так вот, – продолжал, – приехав в город, я спросил, не знает ли кто, где живёт семья покойного Щедринского. Один старичок, улыбнувшись, сказал: «Если речь идёт о Михаиле Борисовиче, то этот „покойный“, слава Богу, жив и работает». И тут он назвал этот адрес. Вот я и пошёл сюда, думая по пути – не сон ли это?

Присутствующие при встрече молодые люди стали просить подробнее рассказать о войне, и, особенно, о плене. Но в этот момент было бесполезно чего-нибудь добиться от нас, официально похороненных, столько переживших и вновь родившихся.

– В данный момент это невозможно, – сказал я, – сейчас мы должны наглядеться друг на друга, излить душу, отметить второе рождение и, главное, повидаться с третьим другом, бывшим узником концлагерей Борисом Владимировичем Глафиринским².

Поддерживая друг друга, мы отправились домой. Эта необычная встреча послужила толчком для оживления мечты – написания воспоминаний о виденном и пережитом.

---

¹ Свердловская область, г. Асбест, пос. Шамейка.

² Фамилия, имя, отчество вымышлены, друг просил их не указывать.

Gefangenenlager:		Staatsangehörigkeit:	Nr. der Liste:
Gefangenen-Nr.:		RUSSLAND	Seite der Liste:
Name: DirKow DyrKow		Beruf:	16
Vorname: Semen Семён		Religion:	
Geburtsdag u. Geburtsort: 1908 Кисляково Ржевский		Truppenteil: 65	cozgen
Vorname des Vaters: Семён Иванович		Komp. usw.	Matr. Nr.
Familienname der Mutter: Раменицкий Кузнецов		Ort und Tag der Befangenahme oder Internierung:	
Name u. Anschrift der zu benachrichtigenden Person:		Veränderungen, Verletzungen oder Tod:	+ 15. 11. 41 Magen + Darmkrankheit
Aufenthalt u. Veränderungen:		wo aufgenommen:	Porchona
18. 11. 41		Grablege: Rissenfriedhof	Kassine Ost Porchona

Карточка военнопленного
из немецкого пересыльного лагеря «Дулаг-100»
г. Порхов Псковской области.

Обычно пересыльный лагерь располагался вблизи железнодорожных узлов. После первоначальной сортировки пленных отправляли в лагеря, имеющие, как правило, постоянное месторасположение в тылу, вдали от военных действий. Лагеря различались по номерам, в них часто находилось большое количество пленных

И Ю Н Ъ
24
ВТОРНИК
1941 год
№ 146 (4932)
ЦЕНА 15 КОП.

ПРОЛЕ

КОМСОМОЛЬ

Выступление по радио Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. МОЛОТОВА

22 июня 1941 года

ГРАЖДАНЕ И ГРАЖДАНКИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА!

Советское правительство и его глава тов. Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне, как Народному Комиссару Иностранных Дел, заявление от имени своего правительства о том, что германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы.

В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству, что Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной.

По поручению правительства Советского Союза я должен также заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы и поэтому сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. Такой же ложью и провокаци-

ей является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта.

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ — отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины.

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а клевкой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы Советской авиации с честью выполнят долг перед родиной, перед советским народом, и нанесут сокрушительный удар агрессору.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за родину, за честь, за свободу.

Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом.

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славленной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя тов. Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

ТАК НАЧАЛАСЬ ЗДЕСЬ ВОЙНА

Раннее летнее утро. Медленно и неохотно отступает ночь с ее таинственными шорохами и вздохами, уступая дорогу светлому июньскому дню. Постепенно розовеет восток небосвода, и от этого на короткий период темнее и ниже становится небо.

Извилистые улицы города пустынно. Изредка покажется прохожий, гулко стуча ногами по деревянному тротуару, и снова наступает тишина. В утренней тишине звонко раздаются редкие свистки паровозов, звонки электровозов и дребезжащий лязг экскаватора, когда ковш его врезался в породу, встречая сильное сопротивление.

В это ясное летнее утро вступал в права самый длинный день в году.

Горняцкий город на Урале просыпался и все вокруг постепенно оживало.

Косые лучи восходящего солнца, падая на белые домики с желтыми карнизами и крыши из белого шифера, тут же отражались, усиливая блеск и игру красок.

Медленно поднималось солнце, согревая землю, и приятно приторный запах ее испарений возбуждающе щекотал нос.

Тихо, чуть покачиваясь верхушками стволов, стояли сосны городского парка, раздавалось пение петухов, приветствовавших начало дня.

Небо постепенно голубело, растворяя в своей глубине розовые оттенки восхода, поднимаясь все выше и выше от земли. Чаше стали поскрипывать двери и распахивались окна. Из помещений доносился разговор и чувствовался запах готовящегося завтрака. Заботливые хозяйки с плетеными корзинками в руках спешили на базар.

Это было воскресенье 22 июня 1941 года.

Начинался на редкость яркий и солнечный день, день, который особенно радует душу уральца, привыкшего к сравнительно умеренному лету и сухой морозной зиме.

В такие дни жители города обычно отдыхали на берегу небольшой живописной реки. Так было и в этот день. Все старались уйти в лес пораньше, пользуясь прохладой утра.

Шумно и весело было в этот день на берегу реки, где отдыхало большинство жителей города. Духовой оркестр исполнял популярные мелодии, выступали участники художественной самодеятельности, звонко пела молодёжь, и слышался задорный смех и визг купающихся.

Чистый воздух и освежительная прохлада реки располагали к неге и возбуждали аппетит. Кругом все шутили и пели – казалось, вся земля приветствует жизнь.

Но вдруг все стало заметно стихать. В 2 часа дня город узнал тяжелую весть. Фашистская Германия напала на Советский Союз. Это зловещее сообщение черной тучей докатилось и до мирно отдыхающих людей, затмив всё и разразившись, как гром среди ясного дня.

И хотя некоторое уныние вначале охватило особенно пожилых людей, помнивших предыдущие войны, практически никто серьезно не верил в начало тяжелой войны. «Так это просто пограничный конфликт», – высказывалось почти общее мнение. Но факт был налицо – война началась. Место гуляния быстро опустело.

Дома все по несколько раз слушали трансляцию речи главы Правительства товарища В. М. Молотова. Бывалые люди говорили: «Бесспорно, мы победим – Гитлер, как говорят любители картежной игры, сыграл ва-банк, не имея шансов, но, а нам эта война обойдется тяжело».

И вот советский народ принял вызов. С началом войны еще шире раскрылась русская душа, а известно, что широта ее необъятна, как в упорном труде и разгульном веселье, так и в исключительном добродушии и в героической самоотверженной борьбе.

Город ошетинился. С жадностью ловились сообщения радио, а репродукторы доносили твердые приказы и указы о мобилизации, о сохранении государственной тайны, о некоторой реорганизации в стране, о назначении командующих фронтами.

Жизнь быстро перестраивалась на военный лад. Началась мобилизация.

Наступила первая военная ночь, светлая, еще дышащая прохладой уходящего дня, самая короткая ночь в году.

По улицам мчались редкие автомобили, лучами фар бороздя стены домов, скакали на конях верховые, спешили пешие посыльные.

В городе тихо, но город не спит – идет мобилизация. В окнах многих домов горит свет. Там дорогие материнские руки складывают пару белья, полотенце, ложку и все другое, немудреное, но крайне необходимое каждому солдату. Около – хлопчет жена, суетятся и тоже что-то помогают дети.

Ну, кажется, все. По народному обычаю присели – минута молчания – уралец готов к отправке на фронт. Все выходят за ворота.

Поспешно, скрывая тяжесть и грусть расставания, уходили мобилизованные. С растерянными, заплаканными лицами оставались провожающие.

Со сборных пунктов уходили колонны для формирования. Из города тронулся своим ходом конный обоз из двухсот лошадок.

Многие мобилизованные повторяли слова уральца Василия Баранова: «Уральцы не подкачают».

Первые неудачи на фронтах посеяли некоторую осторожность и в таком глубоком тылу как Урал, была введена светомаскировка, рыли щели для укрытий, создавались истребительные батальоны.

Обнаружились первые характерные признаки войны. Из магазинов исчезли спички, соль и многое другое, поднялись базарные цены.

Жизнь быстро перестраивалась на военный лад. Ввели продовольственные карточки. По улицам маршировали колонны всеобуча. Колоннами уходили мобилизованные на фронт, строем проходили учащиеся ремесленных училищ, и, казалось, что женщины в очереди за водой тоже стоят в строю.

А сводки Информбюро сообщали не отрадные вести. Красная армия, ведя тяжелые бои и изматывая силы противника, отступала и сдавала города.

В городе появились эвакуированные из фронтовой полосы.

Тепло встречались и быстро устраивались прибывающие женщины, дети и рабочие эвакуированных предприятий. Но с нескрываемой злобой смотрел народ на здоровых мужчин, приехавших в тыл без всякой нужды. Эти, с позволения сказать «люди», искали теплые места, взвинчивая цены на рынке, и отравляли воздух своим присутствием.

Прибыли в госпитали первые раненые, которые рассказывали о тяжелых боях, и о зверствах фашистов.

С первых дней войны ушли на фронт коммунисты, комсомольцы и беспартийный актив города – В. А. Шорников, М. А. Лисов, М. Л. Ревич, Ахметзянов, В. Бодовский, А. Х. Кудусов, А. К. Головин, и многие, многие другие, отдавшие свои жизни за счастье народа.

Тысячи мужчин и женщин города героически дрались на разных фронтах Отечественной войны – А. Махт, Н. С. Щербаков, Кадцина, М. И. Быков, Г. П. Мельников, а также пополнили собой ряды славного Уральского добровольческого танкового корпуса – А. Пеполь, Д. З. Антоненко и др.

В конце 1941 года ушел на фронт и автор этих строк.

Михаил Щедринский с однополчанами
(второй ряд в центре)

НЕ СДАЛИСЬ, А ПОПАЛИ В ПЛЕН

Прошло не больше года с начала войны, а сколько пройдено фронтовых дорог, сколько потеряно близких и дорогих людей. Многое самое невероятное ожидает солдата на фронте, трудно предвидеть всё, что может случиться с ним в этом круговороте.

Федотовский был рядовым бойцом в роте, которая много дней отступала лесами и болотами, ведя бои с превосходящими силами противника. Измотанные до предела бойцы и командиры, еле волочили ноги. Оторванная от основных сил и оказавшаяся в окружении при нехватке пищи, медикаментов и боеприпасов, рота всё же яростно отбивалась, ища выход из западни.

Фронт ушёл далеко на восток вглубь страны. Основные кадры роты давно погибли, но состав её всё время пополнялся за счёт одиночек и групп, отколовшихся от других частей и пробивающихся к своим из окружения. Вражеское кольцо безжалостно сжималось как кольцо удава на теле жертвы.

Лил затяжной морозящий дождик, приближение рассвета почти не чувствовалось, так как небо было затянуто низкими тёмными тучами. Тихо шумел густой сосновый бор, и почти не слышно катила свои воды речка Глинка, извиваясь между берегами, заросшими деревьями, которые спускались почти к самой воде. Набухшая от дождя и ставшая тяжелее, шинель сжимала тело и вызывала неприятную дрожь.

Прикорнув кто где мог, тревожным сном забылись утомлённые бойцы. Изнемогая от усталости и голода, сидели в укрытиях дозорные. Нападения фашистов ночью никто не ожидал, так как знали, что они боятся темноты и избегают ночных схваток.

Всё произошло неожиданно с первыми еле заметными признаками рассвета. Ракеты взвились, почти одновременно осветив окрестность тусклым холодным светом. Ударили миномёты, и гулкими хлопками стали рваться мины, ложась в шахматном порядке. Казалось, что по земле идёт гигант, громко стуча ногами.

Рота заняла круговую оборону и открыла пулемётный огонь. Миномётный огонь прекратился так же неожиданно, как и начался. Замолкли и пулемёты окружённых, и опять наступила зловещая тишина. В этой тишине громко прозвучал голос из репродуктора, установленного фашистами где-то невдалеке.

– Рус, сдавайся! Коммунистам и комиссарам – капут! Дадим много каши, только берите с собой котелки и ложки.

В ответ – молчание. Повторив свой призыв несколько раз и не получив ответа, фашисты открыли автоматный огонь и пошли в наступление. Дружным огнём ответила окружённая рота. Атака фашистов захлебнулась, но и рота понесла потери.

Видя, что силы далеко неравные, командир роты Викулов приказал быть готовыми к прорыву вдоль берега реки, где с вечера был найден небольшой брод. Вскоре атака фашистов повторилась, и рота приняла рукопашный бой, прорываясь в западном направлении. Цепь её заметно редела. Вот, сражённый пулей, падает Викулов, широко раскинув руки. Спотыкаясь на раненую ногу, на бегу бьёт в упор по врагу боец Семёнов.

Легкораненый Федотовский выбегает далеко вперед, перепрыгивая через трупы своих и врагов. Остатки роты прорвались и почти подошли к переправе, когда оглушительный взрыв мины поднял столб земли и метнул Федотовского в сторону. Он почувствовал, что боль от раны исчезла, а он падает в глубокую темную пропасть. Сознание покинуло его.

Фашисты, видя что окруженные прорвались, приостановили атаку и открыли заградительный минометный огонь, надеясь отрезать окруженных от реки. Небольшая группа бойцов под командованием политрука Зиновьева, унося раненых, сумела переправиться на тот берег и скрыться. На поле боя остались убитые. Федотовский тихо застонал и с трудом открыл тяжелые веки, голову кружило и чувствовалась легкая тошнота.

– Ожил? – тихо спросил его боец, сидящий рядом на корточках. – Ну и тяжел же ты, еле донесли сюда.

– Где мы? – почти шепотом спросил Федотовский, озираясь кругом.

– Не говори, друг, в плену. Тебя хотели пристрелить, ты не двигался, мы еле упростили и принесли сюда.

– Как в плену? – ужаснулся Федотовский. – Так надо сейчас же бежать.

– Подожди, подожди! Не горячись, всему есть свое время.

– Как плен? Как плен? – застонал Федотовский, начал метаться и снова потерял сознание.

На далеком Урале в поселке Шамейка семья получила извещение, что солдат Федотовский Николай Игнатьевич пропал без вести. Солдатская вдова Татьяна Захаровна стала одна воспитывать сына Виктора, а солдат Федотовский начал тяжелый путь борьбы в фашистских застенках, твердо веря в победу.

Мне пришлось участвовать в боях на Северо-западном фронте в составе 397 стрелковой дивизии Первой ударной армии¹ в районе города Старая Русса. Здесь на участке Порхов – Дно – Демянск находилась в окружении 16 немецкая армия под командованием барона фон Буша.

Окруженные упорно сопротивлялись, получая подкрепление по воздуху, и периодически делали попытки прорваться.

В сентябре 1942 г. части дивизии вели бои в районе деревни Козлово Залугского района Ленинградской области, где противник пытался прорваться из окружения. Частыми, но короткими штыковыми атаками батальон теснил врага к его исходному рубежу, стараясь заткнуть брешь и соединиться на правом фланге с 447 полком нашей дивизии².

В этот день на фронте было относительно спокойно, и как-то незаметно наступила ночь. Ночь эта ничем не отличалась от обычных фронтовых ночей. Зорко всматривались вдаль часовые, мерно шагали патрули и хрипло квакали в болоте лягушки. На горизонте виднелась сожженная деревня – мирных жителей нет. Где-то сзади остались деревни Медведево, Кулаково, Маклаково, Птицыно, с их приветливыми жителями.

Фронт тянется полукольцом. То и дело темноту разрывают огни разноцветных ракет, это фашисты освещают передний край, боясь атак русских. Где-то вдали гулко и мелодично бьет советская артиллерия.

Временами в небо поднимаются десятки разноцветных нитей трассирующих пуль – красные, желтые, зеленые, целая иллюминация – это фашисты слышали приближение советских самолетов.

---

¹ В январе 1945 г. эта дивизия прорывала оборону на границе фашистской Германии, называясь 347 стрелковая Сарненская Краснознаменная ордена Кутузова дивизия.

² В конце войны была переименована в 447 Пинский стрелковый полк.

На рассвете был получен приказ продвинуться вперёд, и вскоре батальон вступил в соприкосновение с противником. Завязалась перестрелка. Неоднократные попытки атаковать как с той, так и с другой стороны успеха не имели. Боеприпасы заметно убывали, было много раненых, а медикаментов не хватало. К вечеру бой стих. В атаку пошли на рассвете. Поднятые командирами бойцы побежали вперёд, ошетилив штыки и склонив головы.

Фашисты приняли бой, поднявшись в контратаку, и с разбегу обе лавины сошлись. Какой-то необыкновенный стук, яростный крик и звон огласили окрестности, стало пыльно и необыкновенно жарко. Бойцы яростно били врагов, но и они дрались отчаянно. Короткий период бой «кипел» на одном месте, разъярённые люди нещадно истребляли друг друга, но вот враг начал медленно отходить, яростно отбиваясь.

Батальон с боем теснил врага. Смерть витала над полем битвы. Через труп Федотова перескакивает Хабаров и ударом штыка в грудь сваливает здорового фашиста – убийцу Федотова, бежит дальше. Правее его, проткнув штыком фашиста, падает с разбитой головой боец Окуджава. Яростно отбивается боец Лабутин от двух напавших на него фашистов. Словно два гигантских танка, пробивая себе дорогу, грудью прорываются вперед бойцы Пичугин и Эйдлин. Отступив до опушки леса, враг закрепляется на удобном рубеже и из-за укрытия ведёт сильный огонь. Залёг и наступавший батальон, понесший большие потери.

При наступлении левый фланг, где я находился, выдался несколько вперёд и оказался в хорошо простреливаемой врагом зоне. Выравнивая позицию, левый фланг начал медленно и незаметно отходить. Последними отходили бойцы Рыжов и Ковалёв, а также я как командир. Было тихо и мы, пригнувшись, пробежали уже половину пути, как вдруг раздалась одиночная автоматная очередь, и что-то сильно кольнуло меня. Мне показалось, что выстрелили в центры ступней обеих ног, и я упал. Ноги свело как судорогой, затем сильным рывком выбросило вперед, из ран хлынула кровь.

Бойцы залегли, готовясь к обороне, но никто больше не стрелял. Казалось, что фронту в этот день требовалась одна последняя жертва. Рыжов и Ковалёв перевязали мне раны и попытались вынести с поля боя. Но я обмяк и стал тяжелее. Видя по ракетам, что враг пытается обойти батальон, я дал приказ: «Иди, Рыжов, и передай эту записку командиру первой роты Ковалёву. Здесь я пишу, что ранен, и чтобы он учёл, что фашисты его обходят. И пусть пошлёт за мной человека».

Одного за другим посылал я Рыжова и Ковалёва. Редкие перестрелки, возникавшие на участке, куда они ушли, убедили меня, что бойцы убиты в пути. Я так и остался лежать между позиций без ног, один как перст. При мне был один наган и две гранаты «лимонки».

Опираясь на локти и волоча туловище, я подполз к убитой лошади и укрылся за ней. Озираясь, я увидел на дереве «кукушку» – снайпера, который меня сбил. Взяв автомат ППШ у лежащего рядом убитого солдата Чернявского, я тщательно прицелился и дал очередь, но к несчастью промахнулся. Фашист тут же выстрелил и попал мне в диск автомата. Я прижался у земле. Позднее его сбили красноармейцы...

Прошла бессонная тяжёлая ночь. Кровь из ран медленно сочилась, хотелось есть, и томила жажда. Ползая, я облазил все трупы своих врагов. Был и у ранившего меня фашиста, но нигде не нашёл ни пищи, ни воды. Холодея от ужаса, я всё передумал, готовясь к смерти. То начинал шёпотом петь, то на глаза наворачивались слёзы. Не зря говорят – не так страшна смерть, как её ожидание.

Ползая, я часто терял сознание и где-то оставил шинель, наган и одну гранату. Прошла ещё одна страшная ночь, силы покидали меня. Утром я поднял голову – всходило солнце, приветливо освещая окрестность. Лёжа на животе, я смотрел на восток – там свет, там друзья, там спасение. Как это близко и как далеко. Собрав все силы, я попытался ползти, но бессильно склонил голову. «Не могу!» – со вздохом вырвалось у меня, и слёзы покатались из глаз.

Вдруг совсем близко я услышал голоса. Идут! Я весь затрепетал. Наши! Свои! Но я прислушался – вроде, чужая речь. Я взял последнюю гранату, но из-за кустов ничего не было видно. Вскоре показались шесть человек, идущих цепочкой – типичный немецкий строй. Я сдёрнул кольцо с гранаты.

Фашисты проходили мимо в 10–15 шагах, и я решил не бросать гранату – вдруг не заметят. Но мне показалось, что кулак разжимается, а, может быть, так и было от слабости, и, боясь взорваться один, я накреп последние силы и бросил гранату в сторону врагов. Граната упала недалеко. Тут же раздался взрыв, и осколки пролетели над моей головой. Неизвестно, попал ли я в фашистов. Скорей всего – нет. Но их стало не слышно, а я остался лежать совсем безоружным.

Смерть подходила медленно, наслаждаясь муками жертвы.

Шло время. Наступил пятый день мучений.

Взошло солнце, оживляя природу, а я лежал лицом вниз и не шевелился. Жизнь медленно угасала. Вдруг раздалось: «Хальт! Хенде

хох!». Я весь съёжился и обмер. Казалось, застыло солнце, и померк день. Я хотел спрятать лицо, не видеть врагов, и, повернув с трудом голову влево, увидел то, что заставило меня ещё больше съёжиться. Там стояли три фашиста, направив на меня автоматы. Содрогнувшись, я повернул голову направо, но и там стояли три фашиста. Желая хоть взглядом уйти от них, я поднял голову вперёд, но увидел перед собой унтер-офицера, направившего мне в лоб пистолет. Стон боли вырвался из груди – смерть! И я бессильно опустил голову.

Я глубоко благодарен командиру соседнего батальона нашей дивизии майору Смородину и лейтенанту нашего батальона москвичу товарищу Кузьмину, которые, пока я лежал раненый, принимали меры где-то прикрыть меня огнём и вынести с поля боя. Не их вина, что это не удалось. Участок находился под прицельным огнём противника.

Дорогие товарищи, я всё это видел, хотя и часто терял сознание.

На четвёртые сутки, когда, видимо, решили, что я погиб, попытки моего спасения прекратились. По крайней мере, я этих попыток не чувствовал. Дома была получена «похоронка», где извещалось, что «Щедринский Михаил Борисович, уроженец города Челябинска, ул. Пушкинская, 36, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит в бою с немецкими оккупантами 29 сентября 1942 года. Похоронен – лес Андрюшин угол между деревней Козлово и Великим селом Залугского района Ленинградской области».

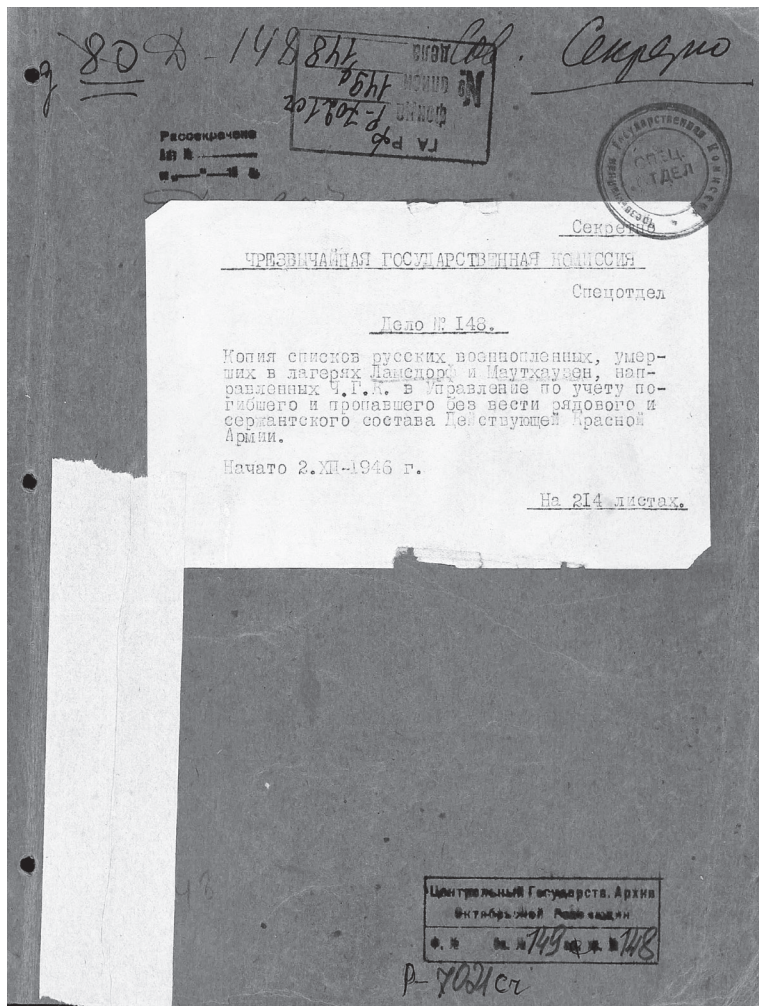
Кроме официального извещения мои боевые друзья – бойцы Яков Храбрый, Эдуард Гнетецкий и другие, подробно описали наш последний бой и мою смерть. Финчасть выслала остатки денег по аттестату, семье назначили пенсию за погибшего офицера, а я продолжал жить и по силе возможности бороться в лагерях фашистской Германии под разными фамилиями, в основном – Щедрин.

Прочитав это воспоминание, друзья по борьбе и мукам в плену, адреса которых я не знаю¹, возможно вспомнят безногого капитана Щедрина, известного ещё под именем «Танкетка» – так как я ползал на четвереньках.

---

¹ Я разыскал примерно 200 человек.

Копия списков русских военнопленных,
умерших в лагерях Ламсдорф и Маутхаузен,
направленных Чрезвычайной Государственной Комиссией
в адрес УУП РККА

ДОРОГА В ПЕРВЫЙ ЛАГЕРЬ

Положение было довольно тяжелым. Без ног, сильно ослабший от голода и потери крови, я оказался во власти жестокого врага.

Коммунист, советский офицер и комиссар, я соединял в себе все ненавистное фашизму.

Убедившись, что пленный недвижим, фашисты опустили автоматы, и начался первый допрос.

– Офицер?

– Да!

– Гауптман?¹

– Щедринский, – ответил я, думал, что спрашивают фамилию, а они, видимо, поняв мою ошибку, рассмеялись.

– Рус СС? – указывая взглядом на мои пехотные эмблемы на петлицах, закричал допрашивающий, видимо, он считал их признаком войск НКВД.

– Я пехотинец.

– Еврей? – несколько протяжно и грозно спросил унтер-офицер, ехидно прищурился.

– Русский?

Унтер-офицер, глядя на смуглое лицо, обросшее черной бородкой, недоверчиво покачал головой, и, видимо, для порядка ударил лежащего в бок.

Да, дурацкое положение, убить бы себя, но чем? Нет даже перочинного ножа.

«Сними брюки», – жестом приказал фашист, видимо, желая еще по одному признаку установить национальность².

С трудом шевелясь, я перевернулся на спину и спустил брюки. Все тело было измазано кровью, и она темными сгустками лежала кругом. Бинты промокли. Пропитавшееся кровью белье, сморщившись, засохло и издавало неприятный запах.

---

¹ Соответствует званию капитана.

² У новорождённых мальчиков евреев и мусульман проходит обряд обрезания.

Солдат, наклонившись, поморщился от вони, и, усмехнувшись, сказал не разгибаясь: «Не с чем ехать к жене». Потом снял с моей руки часы, по-хозяйски их осмотрел и положил в карман. Другой солдат снял с головы пилотку, сорвал с нее звездочку, а пилотку бросил назад.

Потеря звездочки болезненно кольнуло сердце – кто я теперь? Звездочку он приколот к полевой сумке, что, оказывается, свидетельствовало – он убил русского.

Видя, что пленный не может даже ползти, около меня оставили двух солдат, а остальные ушли.

Один солдат, засмеявшись, поднес к моему лицу карманное зеркало и я ужаснулся. Оттуда смотрело незнакомое лицо – волосы слиплись и торчали пучками, глаза впали и болезненно блестели, щеки были в грязи и засохшей крови.

Послышался шум, злобные гортанные ругательства и на поляну вышли четверо советских военнопленных, сопровождаемые конвоирами, которые без видимой причины толкали их автоматами.

– Здравствуйте, товарищ капитан, – в разнорой поздоровались пришедшие.

Худые, обросшие и грязные, они производили удручающее впечатление.

Конвоиры что-то закричали на пленных и стали их толкать. Едва волоча ноги, они подошли ко мне.

– Передвигаться совсем не можете?

– Нет, не могу.

– Эх, капитан! Лучше бы вам погибнуть сразу, чем попадать этим извергам, да еще в таком положении – по капле выпьют кровь. Это здесь, на передовой, они еще более или менее относятся терпимо. Офицеров – надо допросить, да и сами они под страхом смерти, а дальше – в тыл, пиши – пропал.

Изнуренные пленные под противные крики «Лезь! Лезь!» с трудом закатали меня на плащ-палатку и, шатаясь, понесли.

Пожилой пленный, глядя на мой оттопырившийся карман гимнастерки, тихо сказал:

– Потихоньку уничтожайте документы, скройте фамилию и все прочее.

У меня нет ничего, сухо ответил я, думая: «Не подосланный ли это провокатор?»

– Как хотите, было бы сказано.

– Хальт! – крикнул конвоир, и пленные остановились, тихонько опустив ношу на землю.

Пленных увели, оставив около меня конвоира. В стороне лежало два раненых советских солдата – казаха, которые перебросили мне кусок хлеба. Изредка останавливались проходившие мимо немцы. Один офицер взглянул на меня и воскликнул: «Комиссар! Юда!» и схватился за кобуру.

«Никс! Никс!» – быстро сказал конвоир и, когда офицер отошёл, злобно выругался и проговорил: «Проклятый фашист!» Взглянув на него, я подумал: «Да, сохранились ещё в Германии настоящие немцы!» Но часовой отвернулся и молчал.

Вскоре принесли и положили рядом тяжелораненого незнакомого бойца.

– Здравствуйте, капитан, – громко сказал он, – приехали! И криво усмехнулся.

– Гут солдат! Гут солдат! – часто повторяли конвоиры, что-то говоря о принесённом.

– Гут! – усмехнулся раненый, – вас, собак, ещё не так надо бить. Вишь, оскалили морды!

Видимо, не поняв его, они весело рассмеялись.

– Зачем вы связываетесь с ними, не стоит их злить, – обратился я к солдату.

– Что не стоит? – возмутился боец, – думаете безразличным отношением сыскать к себе милость – это позор!

«Молодец, солдат!», – подумал я и спросил, – вы откуда?»

– А вам зачем, уж не фашистам ли продать?

– Я советский офицер, и Вы со мной так не разговаривайте, – возмутился я.

– Вот так смело и отвечайте фашистам, а не спрашивайте, откуда я. У мамки из брюха – вот откуда я. Ишь, нашёлся...

– Да вы не сердитесь, меня не интересуется ваша часть. Откуда вы родом?

– Это другое дело. Я замполит Мингалеев. До войны жил под Ташкентом. Рабочий-железнодорожник, коммунист – вот и всё. Жил – не тужил, а потребуется – умру, как подобает, у нас в роду изменников нет.

– Вы на кого намекаете? – возмутился я.

– Не на вас, капитан, хотя, честно говоря, вы какой-то странный и напуганный. Но увидим. Вот он стоит «красавец» Мефодий – отступник, читали поди рассказ Довженко, – и боец головой показал на стоявшего в стороне перебежчика¹.

---

¹ Добровольно перешедший на сторону врага.

«Смотри-ка, – удивился я, – как я его не заметил?»

Это был молодой лейтенант со снятыми знаками различия, от которых на петлицах остались следы, и с повязкой на рукаве.

– Ишь, стыдно, голову опустил. Мать-то поди гордится защитником, а он, предатель, рот разинул, ждёт каши от фашистов. Они тебе, гаду, дадут, жди! Подавишься угощением.

Изменник не проронил ни слова. Пленных томила жажда, и они настойчиво просили пить. Взяв пилотки пленных, конвоиры почерпнули ими грязную воду из дорожной колеи и подали. Мы жадно её пили, обливая грудь, песок хрустел на зубах, а конвоиры смеялись: «Русиш швайн!»¹.

Вдруг где-то сбоку ударила «Катюша»², и раскатистые звуки сотрясли землю. Мы рассмеялись.

– Родная! – воскликнул Мингалеев.

Блеснул луч надежды – вдруг освободят. Огонь прекратился, но атаки не последовало.

– Да, не зря боятся фашисты «Катюшу», – проговорил Мингалеев. – Рассказывают такой случай. Стали фашисты в рупор кричать: «Эй, Иваны, сыграйте Катюшу!». Это они думали, что им споют песню «Расцветали яблони и груши». Ну раз командир и говорит: «Стой, ребята, мы им сыграем Катюшу, пусть ещё попросят».

Вот как они снова попросили, он, видимо, связался с тылом и оттуда как ударит «Катюша», да так рассмеялась, аж звон пошёл. Здорово им досталось, долго не показывались, а потом успокоились, вылезли и кричат: «Эй, Иван, не ту Катюшу, а другую – песней». Ах, не ту, можно и другую – песней. И в рупор спели:

Разлетались головы и туши
Кобелем воет Гитлер за рекой.
Это наша русская „катюша“
Сволочью поёт за упокой»

– Неунывающий вы человек, Мингалеев.

– А что делать, война продолжается.

...Чтобы избежать пристальных взглядов врагов, пришлось голову закутывать в плащ-палатку.

---

¹ Русские свиньи.

² БМ-13 – советская боевая машина реактивной артиллерии периода Великой Отечественной войны, наиболее массовая и знаменитая советская боевая машина (БМ) этого класса. Известна под народным прозвищем «Катюша».

...Ночь. Машина въехала в густой лес и остановилась. Вдали что-то темнело, и туда понесли пленных. В помещении был полумрак, горела синяя лампочка и что-то методично стучало. На полу кто-то лежал и стонал. В проходах стояли люди в белых окровавленных халатах с засученными рукавами. Всё это напоминало помещение для инквизиции. Оказалось, что это немецкий полевой госпиталь. Стучал движок, вырабатывающий электроэнергию.

В помещение внесли на носилках смуглую женщину в форме майора медицинской службы. Длинные волосы её были распущены. К ней подошли немцы. Она плевалась и гнала их прочь.

– Умру, как подобает советскому офицеру-врачу, а вы не медики, а убийцы!

Так её и унесли. Нас положили около землянки, откуда вышел высокий немецкий офицер с переводчиком и поздоровался:

– Я задам несколько вопросов, хотел бы получить точный ответ, но если вам присяга не позволяет отвечать, подайте документы.

«Да, – подумал я, – надо было послушать солдата». В кармане лежали партбилет (я член КПСС с 1932 года), комсомольский билет (член комсомола с 1928 года), удостоверение командира, старый документ комиссара и фотографии. Пришлось, скрепя сердце, подать. Он внимательно смотрел, а я с жадностью следил за ним.

Вот он открыл партбилет, посмотрел, повернул его ко мне, качнул головой, закрыл и подал документы назад. На вопросы я врал, а он через переводчика сказал: «Чем врать, лучше бы вообще молчал», – и ушёл. Переводчик, встав около меня на колени, сказал: «Вы меня не бойтесь, я – поляк, ксенз из-под Варшавы (ему было 30–35 лет). Это офицер хороший, он понимает русский язык. Вот ваш хлеб. Уничтожьте документы. Помните, что вас дальше ждёт кошмар. Передайте это солдату, если верите ему».

Кто же был этот Немец с большой буквы?

Поезд шёл медленно. В вагоне лежали немецкие раненые. Мингалеев был в другом вагоне. Я лежал на верхней полке, а внизу лежал немецкий ефрейтор. Этот зверь всё время кричал «офицер, комиссар» и пытался достать меня кинжалом, тыкая им в полку. Я отодвинулся. Некоторые немцы пытались его урезонить, говоря «он тоже человек – солдат», но этот гад не унимался.

На остановке в вагон вошли немецкие санитары и стали раздавать раненым подарки. Подошли и ко мне. Фашист, лежавший на нижней полке, закричал: «Русский бандит! Комиссар, сталинское отродье!», и санитары отскочили от меня как от чумы. Поезд пошёл дальше.

Недалеко от меня ногами ко мне лежал раненый молодой немецкий солдат. Вдруг он окликнул меня и стал показывать, чтобы я сложил руки на груди.

Я думал, что он намекает о моей скорой смерти. Но он настойчиво требовал. Я плюнул и сложил руки на груди. Тогда он, размахнувшись, бросил мне на грудь свой подарок и поклонился. Я удивился и сказал «спасибо». Но он в ответ отрицательно качнул головой и сказал – «студент». То есть этим он дал понять, что он не фашист, а культурный человек, и ему не надо спасибо.

На небольшом полустанке немецких раненых унесли, а нас с Мингалеевым положили на землю. Тишина. Я лежу с закутанной головой. К Мингалееву кто-то обратился, сказав: «Как там Сталин с жидами поживают?» В ответ послышалась ругань.

С меня сдёрнули плащ-палатку. Яркий свет ослепил меня и я прищурился. Вдруг послышались два плачущих детских голоса «Мама, наш!».

Я повернулся. Кругом стояла насильно согнанная толпа стариков и детей. Это крикнули девочки 10–12 лет.

– Что вы ревете, дуры, бегите, принесите родименьким хлеба, – это сказала пожилая женщина.

«Да, – подумал я, – а всё же я не так одинок. Меня считают своим, родименьким». Подошёл фашист с противной перекормленной мордой и, наставив мне пистолет в лоб, закричал «Комиссар, юда!».

Я закрыл глаза, ожидая выстрела, но выстрела не последовало. Когда я открыл глаза, спиной ко мне стоял худой старик с жиденькой бородкой, как я потом увидел, и в вытянутой вперёд руке держал большой крест.

– Не подходи! – громко сказал он фашисту, и тот, видимо верующий, опустил пистолет, сказав: «Вы все юды! Вы все сталины!»

А этот старик, повернувшись ко мне, сказал:

– Брат во Христе, не говори им, антихристам, ничего о себе. Россия тебя не забудет!

Это был старый священник, впоследствии награждённый правительством за мужественную борьбу с фашизмом.

К вечеру поезд прибыл на станцию Тулебля в районе г. Старая Русса. Пленных занесли в подъезд двухэтажного стандартного дома, положили на пол в коридоре и поставили у входа часового.

Наступила ночь. На втором этаже шумно пировали немецкие офицеры.

Мингалеев тихо окликнул меня и сказал:

– Ты коммунист, да? Поищи в полу щель, надо спрятать документы, партбилеты не должны попасть в руки врача.

Оба повозились, повздыхали, каждый думал о своём. Я упаковал партбилет в резиновый мешочек из-под индивидуального санитарного пакета и дрожащей рукой опустил в щель. Десять лет я не расставался с ним – и вот! Даже страшно подумать – его нет! Туда же опустил и другие документы.

– Опустил? – спросил Мингалеев.

– Да.

– А как дотянуться до щели мне?

– Дай я отпущу.

– Нет! Нет! – резко возразил он. – Я партбилет никому в руки не дам.

– Это, конечно, правильно, но как тогда быть?

– Берите мою руку и тяните к щели.

– Она ведь не резиновая.

– Ничего, за рукой потянусь и я. Неважно, что больно, зато надёжно. Вот и всё. Жив буду, вернусь и достану.

Рано утром поезд подошёл к Порхову. «За пленными приехали», – услышали мы голос с платформы. Говорили по-русски. Стало радостно, что здесь свои. К вагону подошли трое: высокий тощий немецкий ефрейтор и двое русских в полувоенной форме с повязками на рукавах. В дверях товарного вагона показалась широколицая физиономия.

– Слезай! Чего ждёте, не к теще приехали.

– Не можем, мы раненые, – ответил Мингалеев.

– Я тебе, сука, дам в харю, так запоёшь по-другому. Ишь, татарская морда!

Я опешил – вот тебе и русский. Но делать нечего, пришлось ползти к выходу. Подошедший ефрейтор что-то грубо закричал, указывая на меня.

– Стой, снимай сапоги, они нужны господину ефрейтору.

– Не могу, ноги распухли.

– Я тебя отучу от советских нежностей, черномазая морда, – и, вскочив в вагон, стал срывать сапоги с распухших и недееспособных ног.

Затем он выскочил из вагона и с поклоном подал сапоги ефрейтору, а тот, осмотрев их, положил в телегу.

– Вылезайте, гады, из вагона и лезьте в телегу, – буквально завопил он диким голосом.

– Не можем мы, сволочь ты проклятая, – истерически закричал я.

– Ах, комиссар, ты ещё запел по-жидовски, – и он, подняв палку, бросился к вагону.

Но тут второй русский, всё время стоявший понуро и молчаливый, не вытерпел и схватил его за руку.

– Ну и гад же ты, Васька, верно, что хуже любого фашиста. От тебя ведь ничего не осталось русского.

С этими словами он отбросил выхваченную палку и подошёл к вагону. Ефрейтор смотрел на них, ничего не понимая. Подошедший подставил спину и сказал Мингалееву: «Лезь, браток, донесу». Затем он перенёс и меня.

Был сильный холод и полураздетые пленные тряслись и стучали зубами, лежа на открытой телеге. Телега въехала на пустынную улицу.

Из боковой улицы вывели группу пленных советских моряков. Они были разуты, без шапок и в одних тельняшках. Руки за спиной связаны веревками и в довершение всего они были обмотаны кусками колючей проволоки. Моряки шли гордо, временами выкрикивали грозное, но не совсем понятное слово «Полундра!».

Из ворот дома показалась парочка. Шел немецкий офицер, держа под руку размалеванную русскую девушку с какой-то дикой, высокой прической. Увидев ее, моряки закричали: «Стерва, что ты делаешь? Народ обливается кровью, а ты таскаешься с врагами! Опомнись! Родина проклянет тебя». И снова «Полундра!». Она прошла, не оборачиваясь.

Вдали, на конце города показался лагерь, обнесенный колючей проволокой. У входа в лагерь моряки встали. Остановилась, не доезжая до них и телега с ранеными.

Что там произошло, понять было трудно, но моряки закричали: «Прощай, Родина! Умерли, но не сдались!». И запели:

«Напрасно старушка ждет сына домой,
Ей скажут – она зарыдает...»

Раздались автоматные очереди, и песня постепенно затихла, перемежаясь с криками, руганью и стрельбой.

Расстрелянных героев оттащили в сторону, и, обезумевших от ужаса, нас буквально по крови соотечественников везли в лагерь советских военнопленных.

Так начался фашистский плен.

Пережитое за этот небольшой отрезок времени перемешивалось в сознании с недавним прошлым.

Город Шадринск, колонна офицеров, окончивших КУКС¹, под звуки боевого марша выступила по дороге на вокзал. Детишки бежали по дороге рядом оркестром, мешаясь под ногами у музыкантов, по тротуарам шли взрослые.

---

¹ Курсы усовершенствования командного состава.

Слышались возгласы: «Ждем с победой! Быстрее кончайте войну!»

Некоторые старушки плакали, приговаривая: «Молодежь-то какая – один к одному, и все из-за проклятого Гитлера идут на смерть».

Подразделениям указали вагоны, и началась посадка. Все вошли в вагоны, и ожила старая красная теплушка, не одно поколение русских возившая на фронт.

Часть отъезжающих села на порог теплушки, свесив ноги, другая часть осталась в открытой двери, облокотившись на перекладину, а тот, кто опоздал, выглядывал из-за спины товарищей.

Со свистом запыхтел паровоз, обдавая стоящих на перроне облаком горячего пара, и медленно начал двигаться. Одна за другой застучали сцепки вагонов, и поезд пошел.

С перрона махали руками и что-то кричали остающиеся, а из вагонов доносилось дружное пение отъезжающих.

До свиданья, города и хаты...

На заре уходим мы в поход.

Вскоре мелькнул семафор, поезд добавил ход и город скрылся из вида.

Под впечатлением расставания появились вообще-то очень нескладные, но написанные от души стихи¹.

Здравствуй мать, поклон – родные,

Шлю дорожный свой привет.

Поезд мчит к Москве-твердыне,

Где горячий бой идет.

Защищая там Отчизну,

Ее вольность, честь и труд,

Не жалея своей жизни,

Коммунисты бой ведут.

В жарких схватках с гитлеризмом –

Черной силой сатаны,

Страницы с ярким героизмом

Напишут славные сыны.

Дед мой с турками сражался,

Вспоминал потом всегда.

И отец с врагами дрался,

Защищая города.

---

¹ Стихи после редактирования были помещены во фронтовой газете.

Верный Ленинским идеям,
Коммуниста честь держа,
Буду мстить я лиходеям
За их гнусные дела.

А поезд все шел и шел с большой скоростью, отмеривая гигантские шаги.

В памяти всплыл тяжелый бой у деревни Рамушево, где комиссар батальона, старший лейтенант Еременко¹, недавно вернувшийся из госпиталя и еще прихрамывавший на одну ногу, грудью пробивал дорогу, ведя за собой подразделение. В этом бою смертью героя пал сержант М. С. Эйдмен². В рукопашном бою он воткнул штык в озверевшего фашиста, но не успел выдернуть штык, как пал от разрыва гранаты.

Все это было так недавно и вдруг – этот ужасный плен и неизвестность судьбы. Другие дерутся на фронте и если гибнут, то на глазах своих, а говорят – «На миру и смерть красна».

Интересно, сохранит ли мир листовку, изданную политуправлением Северо-Западного фронта, которую я отправил жене, с надписью, чтобы она ее сберегла до Победы. Жив буду – буду смотреть и вспоминать, а убьют – пусть передаст детям, особенно сыну.

На этой листовке над рисунком, где был изображен фашист с кнутом, едущий на бричке, в которую запряжены перевязанные веревками мужчина, женщина и ребенок.

Под рисунком было написано:

Враг хочет сжечь старуху-мать,
Жену на каторгу угнать,
Заставить сына стать рабом,
Дочь запереть в публичный дом.
За честь семьи – иди
С великой клятвой в груди!
Спасай семью в огне сраженья
От смерти, рабства, угнетенья!
**ЕСЛИ СЕМЬЯ ТЕБЕ ДОРОГА –
УНИЧТОЖАЙ ВРАГА!**

---

¹ Судьба у Еременко неизвестна.

² Марк Самуилович Эйдмен, народный мститель. По его словам, у него должен быть брат, учившийся в ФЗО – школе фабрично-заводского обучения.

Листовка, которую послал М. Б. Щедринский
своей семье в Асбест

Порховский пересыльный концентрационный лагерь (Дулаг-100).
Первоначально лагерь создавался как пересыльный
для военнопленных Красной Армии,
с 1943 г. стали заключать в него мирных жителей города и района
за связь с партизанами или для дальнейшей отправки в другие лагеря.
Лагерь действовал весь период оккупации Порхова
с июня 1941 г. по февраль 1944 г.

ЛАГЕРЬ В ГОРОДЕ ПОРХОВ

Лагерь военнопленных расположен на окраине города Порхов. Густой колючей проволокой обнесено несколько каменных и деревянных зданий, по углам ограды стоят вышки для часовых. Над большими широкими воротами висит фашистский герб – орёл со зловещей свастикой в лапах. С противным скрипом открылись и закрылись ворота, пропустив телегу с пленными, как бы отрезав их от внешнего мира – вычеркнув из жизни.

Пленных разделили. Мингалеева куда-то унесли, а меня поместили в сырую холодную комнату, бросив на цементный пол, где пахло плесенью. Щёлкнул снаружи замок и вдали затихли шаги конвоя. В маленькой комнате с серыми стенами было пусто. Слабо проникал свет в небольшое окошко, находящееся почти у самого потолка. Кругом была гнетущая тишина. Но вот раздался слабый писк, и вскоре откуда-то из углов полезли крысы. Вначале они робко приближались, затем осмелели и бегали почти у самого лица, так что от них приходилось отбиваться. Так в борьбе с крысами прошла всего одна ночь, а в воспалённом мозгу пронеслась вечность – я «побывал дома и в своей части», но сознание действительности не покидало.

Утром в камеру вошёл немецкий офицер в сопровождении переводчика. Вежливо поздоровавшись, он издевательски спросил:

– Как господин офицер провёл ночь? Не нуждаетесь ли в чём?

Ответом было гробовое молчание.

– Немецкое командование, – продолжал офицер через переводчика, – очень заботится о русских пленных, и особенно, о господах офицерах. Но не всегда бывает возможным сразу создать им необходимый комфорт. Мы с вами культурные люди и найдём общий язык. Вам следует записаться добровольцем (перебежчиком) и сотрудничать с нами в освобождении России от жидов и коммунистов.

Пленный продолжал молчать.

– Ответьте ему что-нибудь, – спокойно сказал переводчик.

Офицер вопросительно посмотрел на переводчика.

– Я пленный, а не перебежчик, и ни с кем сотрудничать не собираюсь.

Не успел переводчик замолчать, как град сильных ударов обрушился на меня. Офицер с ожесточением бил лежащего ногой, а я только корчился и закрывал лицо руками. Запыхавшись, офицер остановился, плюнул, и, выругавшись, вышел вместе с переводчиком. Вот они – фашистские комфорт и забота, а что будет дальше?

Пришли два пленных, назвавшись санитарями, и понесли меня, как они выразились, в европейскую баню для санобработки. В холодном каменном помещении, где гулял ветер, стояли голые люди, похожие на скелетов. Кожа на их телах казалась прозрачной, рёбра резко выступали, на бёдрах почти не было мяса, у многих на месте заднего прохода висела как сосок, вывалившаяся наружу кишка. Взгляд их был безразличен.

– Что это за люди и почему у них такой вид? – спросил я у санитаров.

– А вы что, недавно в плену?

– Да вообще-то уже несколько дней.

– Вот это здорово! – поразились санитары. – Тогда вы нам многое расскажете. А это – доходяги, и вас, возможно, ждёт такая же участь, если прежде не добьют фашисты и полицаи. На вас ещё сталинский жирок.

– А что значит «доходяги», они русские?

Санитары рассмеялись:

– Конечно, не турки. Доходяга – это пленный, который доходит или иначе доживает последние дни. Вы ещё счастливый, вас пока направляют в ревир, то есть, так называемый, госпиталь. Это хоть и плохое, но всё-таки, помещение.

– Давайте, как новичку, мы вам поможем, да учтите, здесь кроме официальных бандитов-полицаев, есть предатели, ищущие патриотов, будьте осторожнее.

Они сняли с меня одежду и отдали в жарилку (вошебойку) и помогли поползти до парикмахера, который испорченной машинкой безжалостно рвал волосы. Кое-как обмывшись под душем ледяной водой, я пополз за одеждой, где по пути всех осматривали, ища евреев, и мазали кляпом волосяной покров какой-то вонючей жидкостью.

Из жарилки не вернули брюки, а на вопрос «где они?», я получил удар палкой. Так без брюк я был доставлен в ревир, где встретил Мингалеева, как родного брата.

Ревир представлял из себя большую мрачную и сырую комнату, больше похожую на карцер, чем на лазарет. В помещении стояли двухэтажные деревянные нары, на некоторых из них были бумажные матрасы, набитые деревянной стружкой. Подушек и одеял не было.

На нарах в тесноте лежали истощённые больные и тяжелораненные с открытыми ранами. Зловонье от гниющих ран и испражнений било в нос. Здесь же, но несколько в стороне, лежали больные сыпным тифом.

За больными ухаживали военнопленные врачи и фельдшера, а так же санитары из числа наиболее здоровых пленных. Новичков положили на нижние нары, прямо на доски, и мы ещё не успели опомниться, как явился писарь и стал заполнять карточки.

Фамилия, имя, отчество.

Национальность и вероисповедание.

Год, число и месяц рождения.

Месторождение и место призыва.

Образование и место работы.

Где и когда попал в плен.

Особые приметы: цвет волос, кожи и глаз, рост, черты лица (склад, форма носа и ушей), наличие родимых пятен, бородавок и т. д.

На большинство вопросов мы давали ложные ответы, но старались их запомнить, чтобы потом не ошибаться.

После этой процедуры нам вручили деревяшки, на которых по-немецки написаны фамилии и поставлены номера.

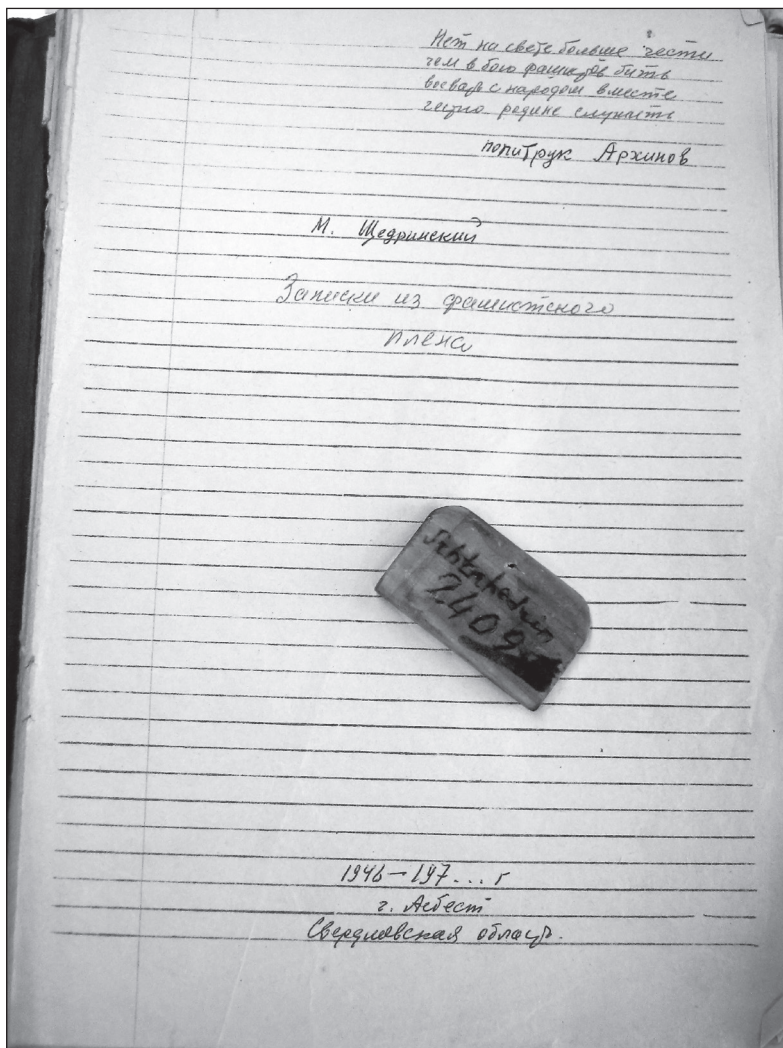
– Ну, вот и все, – сказал писарь, – теперь ты не советский офицер, а человек №2409.

Так с этим номером я и прожил весь плен. «Ну, это мы еще посмотрим», – подумал я, хотя и сам не особенно верил в возможность выжить.

Когда писарь ушел, к нам подошли и подползли пленные и стали наперебой задавать вопросы. Откуда родом? Где и когда попал? Как живут дома? Как смотрят на тех, кто в плену и правда ли, что за плен безвинных калек вешают? Как дела на фронте?

Это было еще как-то естественно, так как многие из них, видимо, давно в плену, но вот посыпались вопросы, которые явно удивляли! Много ли мужчин осталось в Красной армии или преимущественно воюют женщины? Есть ли в армии танки и самолеты?

Правда ли, что Урал занят какой-то армией Зеленого? Действительно ли, что сейчас в армии нет комиссаров, а политсостав отправили переучиваться на священников?

Первая страница рукописи М. Щедринского
и бирка с номером, выданная в лагере

– Да вы что, – удивились новички, – с луны упали?

– Вы не удивляйтесь, – пояснили спрашивающие, – ведь мы в основном «кадровые пленники» – почти с начала войны, а здесь пичкают ложью. Мы конечно не верим, но и правды трудно узнать. Новых пленных мы не видим, или сейчас меньше попадает, или их куда-то увозят в другие места.

Долго и терпеливо мы отвечали на вопросы, и люди с жадностью ловили каждое слово.

подавляющее большинство радовалось успехам на фронте, многозначно подмигивая друг другу, но были и недоброжелатели.

– Эй ты, орел! – обратился ко мне сосед, длинноносый, худощавый боец Овчинников. – Хватит трепаться и морочить людям голову, знаем мы вас, сталинское офицерье.

– Я не орёл, а капитан, обращайтесь, как положено. Я ведь вас не обзываю, а во-вторых, мы не врём, а говорим правду.

– Ишь ты, цюцик! – заорал Овчинников. – Ваш брат не больно здесь в почёте, быстро дурь-то выбьем.

– Кто цюцик? – и я стал искать рукой чем бы его ударить, а Мингалеев пытался схватить его за горло. Кругом зашумели.

– Прекратить спор!

Все замолчали и повернулись к говорившему. На противоположных нарах наверху лежал полнолицый блондин с голубыми глазами и добродушным лицом. Это был москвич, полковой комиссар Иванов, без обеих ног.

Прибывшие правы – терять человеческий облик нельзя, ведь мы – советские люди.

– А вы, Овчинников, опомнитесь. С перебежчика дома строго спросят.

Чувствовалось, что Иванов пользуется всеобщим уважением, и он твёрдо заявил:

– Продолжайте беседу, товарищи. Вынужденный плен – это не нарушение присяги, если конечно, воин не сдался, а продолжает борьбу с врагом всеми доступными ему средствами.

При беседе постепенно выяснялась обстановка в лагере. Основную массу пленных составляли доходяги-раненые и инвалиды, сюда же относились партизаны, преимущественно старики и дети. Одежда пленных состояла из обносков старого грязного обмундирования. Шинелей почти ни у кого не было. Всё более или менее годное – гимнастёрки и нижнее бельё, если их не успели отнять, променивалось на еду, и, естественно, народ мёрз. Вместо обуви давались деревян-

ные очень большие и тяжёлые долблёные колодки, сильно натиравшие ноги. О мыле и полотенце даже на мечтали.

Весь скарб пленного состоял из ложки и параша, чаще какой-нибудь банки, причём, каждый старался иметь парашу побольше на случай какой-нибудь удачи. Табаку пленным, конечно же, не полагалось.

Передвигающиеся пленные представляли собой страшное зрелище. Тощие и обросшие с лихорадочно блестящими глазами, в лохмотьях и с привязанными сбоку торбами и парашами, они гулко стучали колодками по полу.

Вторую группу пленных составляли работяги. Это были тоже слабые, но более крепкие люди. Их гоняли в город на работу, поэтому они имели возможность кое-что достать из обмундирования, пищу и табак. Для них немецкие коммерсанты продавали особую махорку с надписью «Только для русских военнопленных» – это были грубо нарубленные ветки.

Третья группа: лагерная «аристократия» – блоковые, баландёры, кухонные и складские рабочие, банщики и писари. Они получали дополнительное питание за счёт общего котла.

Особо содержались полицаи, русские помощники коменданта и переводчики-толмачи, которые жили и питались отдельно и щеголяли в новом обмундировании. Медперсонал являлся промежуточной прослойкой.

В лагере существовал террор. Полицаи ходили с палками и били каждого без всякого повода. В углу лагеря стояла большая бочка, в которой мокли розги. Этими розгами секли «провинившихся».

Жизнь в лагере шла по строгому расписанию.

В 7 часов утра – подъём. Изнурённые люди выстраивались на проверку и часами мёрзли на улице, еле держась на ногах. Людей умышленно перестраивали по 5–7 раз, чтобы затянуть время издевательства, при этом сыпались удары налево и направо тем, кто не мог стоять навытяжку, или не строго по команде снял и надел шапку, а то и просто так. Умершие за сутки подсчитывались отдельно, а умирало в день 15–25 человек.

Аналогичная проверка проводилась вечером, а иногда и днём.

Кормили пленных три раза в день. Утром пол-литра кофе – грязной тёплой бурды. Днём пол-литра жидкой баланды из картофельной ботвы или из гнилой картошки и 200 грамм хлеба, с довольно крупными опилками. Вечером опять пол-литра знаменитого «кофе». «С такой пищи, – шутили пленные, – не только о жене забудешь, но и долго не проживёшь».

Большинство пленных сменили фамилии и звания, крайне осторожно относились друг к другу, так как в общей массе были предатели. В ревире почти не было медикаментов, кроме реваноля и ограниченного количества бумажных бинтов. В таком положении даже опытный врач оказывался бессильным. Ряд медработников, в том числе главный врач подполковник Буржинин, вели себя недостойно. Кричали на пленных и даже били раненых. Они распускали антисоветские слухи, требовали называть себя «господин» и рыскали, ища комиссаров.

Резкой противоположностью им был врач Сергей Александрович Знаменский и его друзья. Седой, очень симпатичный человек, он чем мог помогал раненым, спасал от предателей. Как бы невзначай, он оставлял около патриотически настроенных раненых кусочки хлеба из своего и без того скудного пайка.

В ревире действовала группа патриотов. Её организовал полковой комиссар Иванов из Московской дивизии. У него были ампутированы обе ноги. В группу входили Анатолий Ляпунов из Алма-Аты, лейтенант Гольденберг – миномётчик из Риги, Анатолий Комаров из Ленинграда, комиссар Хвостовский из Тулы и другие.

Подошло время обеда. Пришли и выдали по десяткам¹ хлеб. Булку надо разделить (ножой официально иметь нельзя), причём, резать так, чтобы всем достались горбушки, и был точный вес каждой пайки. На нарах расстилается тряпка, и все внимательно следят за операцией разделки. Под советы окружающих булка разрезается, но она при этом рассыпается из-за большого количества опилок. Затем берут тщательно выверенные весы – деревянная перекладина, имеющая по концам веревочки и одну веревочку, в центре, чтобы их держать. К нижним концам двух веревочек привязываются колышки или площадки для размещения хлеба.

После того, как каждая пайка взвешена, вплоть до мелких крошек, и точность взвешивания одобрены всеми, приступают к раскрикиванию. Один пленный отворачивается, а другой указывая на пайку спрашивает: «Кому?». Отвернувшийся отвечает: «Семену», «Рыжему» и т. д. И все же, несмотря на предварительное общее согласие, оказываются недовольные.

Каждый получивший пайку распоряжается ей по-своему, причем это обосновывается теорией.

Одни делят пайку на 3 равных части (утро, день, вечер) – правильно распределяются калории.

---

¹ Группа заключенных из 10 человек.

Вторые съедают пайку сразу – лучшее ощущение пищи и гарантия, что не украдут.

Третьи разделяют пайку на мелкие кусочки и порциями едят весь день – продление удовольствия.

Четвертые выделяют часть пайки на табак.

Началась раздача баланды.

Среди комнаты поставили бачок и баландер, вооружившись черпаком из пол-литровой банки, прикреплённой к палке, стал черпать. Сотни голодных глаз смотрели за каждым его движением.

– Мешай больше! Не черпай со дна! – кричали со всех сторон. – Оставь густоту и другим!

Котелки и банки расставлялись в очередь по десяткам, в каждой десятке составлялась своя очередь по дням.

Кто мог, сам доползал до баландера, остальным помогали товарищи или санитары.

Получив порцию, каждый тут же ложкой проверял содержимое.

– У меня опять нет ни грамма гущины, – вздыхал тот, кому досталась одна вода.

– А мне всегда везет, смотри – аж ложка чуть-чуть не стоит.

Ели медленно, смакуя каждый маленький глоток, растягивая наслаждение. Затем грязными пальцами обтирали до блеска стенки котелков и с чмоканьем облизывали пальцы.

Утром и вечером при раздаче «кофе» тоже не обходилось без курьезов. Кофе разливали черпаком и одуревшие от голода люди кричали «Мешай чаще, что черпаешь сверху воду, гущу оставляешь себе и друзьям».

Недалеко от лагеря играли дети. Их безобидная игра, стрельба из рогатки по воробьям, не привлекала к себе внимание часовых.

Но дело было много сложнее. Мальчуган, меняя камешки, 5–6 раз стрелял по воробьям и один раз с расчетом попасть на территорию лагеря, где этого выстрела ждал ползающий на коленях Григорий Андреевич Колтышев. В упавшем комочке, кроме камешка, находящегося в середине, была написанная от руки сводка Информбюро, а иногда щепотка табаку. Обычная приписка «От ваших друзей пионеров» взбудораживала всех.

Нам было ясно, что этими ребятами кто-то руководит, но кто? Как связаться?

Однажды часовой, видимо заметив что-то, неожиданно поддел ребенка на штык и смертельно раненого бросил в нашу сторону.

Так погиб юный патриот, оставив нас в неведении.

Григорий Андреевич КОЛТЫШЕВ

– Узнаёте? – обратился ко мне подошедший раненый, но довольно бодрый человек. – Так и надумал, что это вы по рассказам товарищей. И я узнал лейтенанта Степанова из нашего батальона.
– Да! Жалко вас, а мы ведь думали, что вас тогда убило.
И он поведал мне о жизни батальона после меня.

В бараке шла бойкая торговля и обмен. Менялись белье и табак, который классифицировался по закруткам и затяжкам, а затяжки в свою очередь на четверть вдоха, пол-вдоха и полный вдох.

Степанов оказался заядлый картежник, он никогда не проигрывал, но как он это делал, неизвестно.

– Кто желает сыграть в очко или буру – играю с любым, кроме партизан и детей, – громко объявлял он.

– А почему кроме них? – поинтересовался Мингалеев.

– Этих обыгрывать нельзя, у них кристальные души, а среди нас есть всякие, даже хуже нас.

Степанов помогал мне и Мингалееву.

У меня начались страшные боли, как говорили, «отмирали нервы». Кричать нельзя и я все время раскачивался – это как-то успокаивало.

Часто стоял около меня врач Знаменский, грустно смотрел и гладил по голове. Почти сразу, но ненадолго, снимало боль при курении, но где достать табак? Хоть бы раз затянуться.

И вот тут помогал Степанов, выигрывавший табак. Сам заядлый курильщик, он почти все отдавал мне и Мингалееву, говоря: «Хороший друг у тебя, патриот».

Вечером 6 ноября комиссар Иванов провел беседу об Октябрьской годовщине, поздравил всех с праздником, пожелал здоровья и возвращения на родину.

Ночью, когда в темноте нещадно кусали вши, клопы и блохи, и несколько стихли стоны, я вдруг потерял самообладание. Дома праздник, хоть и война, а я так мучаюсь здесь, и все равно погибну.

Думая, что все спят, я достал настоящий бинт, подаренный мне на всякий случай Знаменским, сделал из него петлю, привязал к верхним нарам, поднялся на локтях и всунул голову в петлю. «Сейчас отпущусь с локтя, и повисну, – подумал я. – Конец мучениям».

В этот момент почти одновременно раздался крик Мингалеева «помогите», и откуда-то сбоку последовал удар по голове, аж развязался бинт, и я упал. Кругом зашумели. Оказывается, за мной следили Степанов и Мингалеев.

Когда все стихло, комиссар Иванов спросил:

– Сколько вам лет и с какого года вы в партии?

После моего ответа он сказал:

– Когда вы ходили пешком под стол, я был уже в партии, поверьте мне, так делать нельзя. Умереть бесцельно может и трус. Надо сохранить себя, и назло врачам выжить, продолжать бороться и быть полезным Партии и Родине. Откровенно говоря, я такого малодушия от вас не ожидал.

Комиссара Иванова и полковника Бриллианта, у которого была открытая рана на животе, фашисты расстреляли у входа в барак.

Когда их выносили на расстрел, они обратились к оставшимся:

– Прощайте друзья! Продолжайте бороться с фашистами! Будьте верными присяге! Берегите честь Родины! Да здравствует товарищ Сталин! Родина победит!

Многие, не выдержав, плакали.

Одиночные выстрелы известили, что страна потеряла двух славных не сдавшихся сынов.

В лагере находился 12-летний партизан Володя. Родители его (инженер и врач) остались в Ленинграде. Находившийся перед войной у бабушки, он оказался на оккупированной территории. Здесь он похищал немецкое обмундирование и доставлял его партизанам, на чём был пойман и доставлен в лагерь. Сильный голод довёл его до того, что найдя дохлую мышь, он хотел её съесть. Товарищи удерживали его от этого, но он только мотал головой и так был подведён к нам.

Худенький, в лохмотьях, по сути ещё ребёнок, он стоял перед нами с глазами, полными слёз, в зажатых зубах его торчала мышь.

– Прикажите ему, товарищ капитан, выбросить мышь.

– Брось, солдат, мышь, она возможно отравлена.

Он жалобно смотрит на меня, а слёзы так и катились по щекам.

Вот, сволочи, до чего довели человека!

– Ты пионер?

– Даа! – с трудом разжав рот, сказал он, и мышь выпала изо рта.

Мы его успокоили и поделились крошками хлеба.

По заданию подпольной группы проводились патриотические беседы, подготавливались побег.

Немецкий ефрейтор Альфонс, прикомандированный к ревиру, казался странным. Он почти не кричал на раненых и, тем более, не бил.

С ним установили связь. С его помощью из лагеря бежали врач Скопис, подлежащий расстрелу еврей, и фельдшер Семенов, унеся с собой списки пленных и информацию Родине. Позднее Альфонс увёл группу партизан, находившихся в это время в карцере, и сам ушёл вместе с ними.

– Давайте, братцы, споем нашу пленную, – предложил кто-то.

И вот сначала медленно и тихо, а потом всё громче и громче, пленные затянули песню на мотив «Далеко из калымского края»:

Далеко из Эстонского края

Шлю тебе дорогая привет.

Как живешь ты, голубка, родная –

Напиши поскорее ответ.

Я служил средь Балтийского моря,

Там где дует холодный Норд-Ост.

Остров Эйзель – лесистый красавец

Встал на страже, как верный форпост.

Там служил я, моя дорогая,

Там холодный Балтийский прибой.

Всё от вахты свободное время

Я мечтал лишь о встрече с тобой.

Но надежды на скорую встречу

Оборвались, как тонкая нить.

Нам фашисты войну навязали,

Теперь новая песня звучит.

Не жалея ни жизни, ни крови,

Дрались мы, отражая десант.

Но изменник и трус по дешевке

Предал нас генерал-лейтенант.

Много слёз материнских прольётся,

Тыщи трупов валялись у стен.

Много раненных в поле осталось,

И бедняги попали все в плен.

Напоить, накормить обещали

На работу к крестьянам свести.

Мы ж в такую трущобу попали,

Что и ноги нельзя унести.

На питанье нельзя обижаться,

Здесь кормили нас как на убой.

В день грамм двести с опилками хлеба

И пол-литра баланды с водой.

Мы порядок свой дня изучали
От зари и до самой зари.
За баландою в очередьплыли
Еле двигая кости свои.

Вот идёт он, шатаясь, бедняга,
Получить свой последний кусок.
Не хватило тут сил доходяге,
Он упал, не поев свой поек.

А на утро мертвых сносили
Под холодный без двери сарай.
Штабелями в порядок сложили –
Для отправки готовили в рай.

Грабарям здесь работы хватало
В день два раза, а, может, и три.
С мертвецами повозки мелькали
Там, где тянутся длинные рвы.

Не могу позабыть я истории –
Людоеды явились тут.

Тянут мясо людское в истерии,
И как свиньи они его жрут.

И нельзя позабыть полицейских –
Все ребята один к одному.
Один бьет, а другой добивает.
Умер, вечная память ему.

Ох, ты, Русь, Русь, моя дорогая.
Неужель не вернусь я к тебе?

Кто вернется, тот все не забудет,
Все расскажет родимой семье.

Все расскажет, покатытся слезы,
Выпьет рюмку, вскружит голова.
Неужели домой не вернусь я,
Значит пленному злая судьба.

После того, когда по решению подпольной группы в уборной утопили зловредного антисоветчика – полиция, усилились избиения и поиски патриотов.

В конце концов группу офицеров, партизан и вообще подозреваемых, подготовили на этап. В группу отправляемых подсунули провокаторов.

По решению подпольной группы Знаменский снабдил наиболее тяжелораненых медикаментами, украденными у немцев. Степанова оставили в лагере.

Утром вместе с Мингалеевым и Колтышевым мы ползли к вагону. Я держал в зубах котелок, в кулаке зажал оставшиеся документы и фотографии и думал: «Не дай Бог, чтобы мир увидел меня в таком положении».

В телячьем вагоне нас было человек 60 – духота, вонь от гниющих тел, испражнений, есть и пить не дают.

Состав в вагоне был «разношерстным» и по национальности, и по возрасту, и по взглядам.

Все были злы и ругались из-за каждого пустяка. Говорили обо всем открыто – власти ведь нет, кого бояться?

– А вот я сам перешел к немцам, – заявил пожилой мужчина, стекольщик из Рязани. – Что хорошего в Советском Союзе? Свобода, а за прогулы судят, какую мелочь унес домой с завода – кража – судят, собственную жену уму разуму поучить нельзя, говорят бить нельзя, равноправие, а она ведь баба, распусти вожжи, так и отобьется от рук. Работай на благо мировой революции, а все даром лучший кусок – начальству и коммунистам. Оно, правда, и здесь туговато, но это временно, опять же из-за партийных – они и здесь хорохорятся, ведь патриоты не сдаются. Хватит терпеть сталинский режим.

– Ах, гад, ты Сталина оскорблять, вор ты проклятый! – и стекольщик получил сильный удар по лицу. В исключительной тесноте началась драка.

Стекольщика задавили, в свалке погибло ещё 3 человека.

Еле-еле успокоились, отлупив защитников стекольщика. Мертвецов отодвинули в один угол. Несколько человек хрипело в предсмертных судорогах.

– Эй, хохол, иди сюда! – раздалось из угла.

– Меня что ли? – оглянулся человек.

– Ну а кого же?

С него стали сдирать старенькую гимнастерку.

– Братцы, оставьте! – взмолился он.

– Нет! Давай сюда, а тебе дадим эту! – и бросили ему обрывок рубашки.

– Не троньте парня, он и так еле живой! – заступился узбек.

– Молчи, а то и до тебя доберёмся.

– Молчать! – закричал Комаров. – Проклятые вы черносотенцы. Нас здесь больше, чем вас – передадим фашистскую нечисть.

Стало тихо.

– Одумайтесь! Ведь это фашисты сеют национальную рознь, чтобы ослабить нас. Вспомните, что мы советские люди.

– Вот знаете, мне вспомнилось, – говорю я, – как мой сын Борис, придя домой из садика, пел: «эвенки, грузины, сыны Украины, все дети Советской земли...»

Многие вздохнули, опомнившись от происшедшего и вспомнив своих детей, за счастье которых они должны бороться. Украинцу отдали его рубашку.

– Посмотрите кругом, – говорит Комаров.

Во всех позах лежали, сидели и стояли скелеты со впалыми щеками, удлинёнными лицами, в лохмотьях, в старых пилотках и тряпках на голове. Многие были босиком, и из груди тел торчали красные, распухшие ноги. Рядом с полуживыми лежали мёртвые – их не убирали.

– Смотрю я на эту сцену и думаю, – обратился Мингалеев к Колтышеву. – Дать бы товарищу Сталину подзорную трубу, чтобы он мог увидеть всё в этом вагоне. Во-первых, до чего довели советских людей – лежат скелеты, но самое главное, чтобы он увидел этих гадов. Верно ведь говорят: «На войне как в проруби, всё дерьмо всплывает наверх»

– Вот дома мы все были равны: я – татарин, другой – украинец, третий – башкир, ну и что? А здесь нас умышленно ссорят. Я терпеть не могу, когда кричат: хохол, кацап, вотяк, а то и ещё хуже, а ведь есть чудачки, ещё откликаются. Они ведь не только себя унижают, они позорят весь гордый, многонациональный советский народ.

Все молчали, слушая Мингалеева, а потом запели.

Раскинулся лагерь широко,
Кругом часовые стоят.
На сломанных нарах высоких
Голодные пленные спят.

– Товарищ, мне час подошёл умирать, –
Сказал краснофлотец пилоту.
Ты должен отсюда скорее бежать,
Когда поведут на работу.

Друзья уходили в неизвестную даль,
Героев судьба покидала.
Один умирал на дороге в грязи,
Другого могила встречала.

Как только несчастный дышать прекратил,
Покойника вмиг окружили.
И всё барахлишко, что было на нём,
С костей его бедных стащили.
Покинул несчастный суровые дни,
Лишённые жизненных правил.
Одни захватили пустой котелок,
Другим он заветы оставил.
    Погасли надежды в стеклянных глазах,
    Как розы на зиму увяли.
    Пришли полицаи с кнутами в руках
    И выбросить труп приказали.
Напрасно папаша ждёт сына домой,
И старая мать унывает.
Любимый домой никогда не приедет,
Жена ничего не узнает.

Автор песни неизвестен

На шестые сутки в вагоне уже лежало более десяти трупов.
Народ изнемогал, но на все просьбы раненых конвой не обращал
внимания – поезд шёл медленно.

Ночью поезд встал на какой-то станции. Утром открыли вагон,
свежий воздух и свет опьянили измождённых узников.

Американские солдаты осматривают вагоны с телами умерших
в концлагере «Дахау» 3 мая 1945 г.

Девочка-узник хорватского концлагеря Ясеновац
(хорв. Jasenovac)
с желтой звездой на спине

В ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ

Поезд стоял на станции «Глубокое» в Западной Белоруссии. По перрону важно расхаживали немецкие офицеры, сгорбившись, пробегали угрюмые жители, у двери вагона стоял конвой. Подвели группу пленных, которые стали выносить изможденных узников и отбрасывали трупы в сторону.

Подъехали телеги, на которые сбросали узников, лошадьми правили полицаи. Унылый обоз, под конвоем 10–15 немецких солдат, тронулся по городу.

Улицы подметали под наблюдением часовых старики, старухи и молодые девушки, на груди и спине которых были нашиты желтые шестиконечные звезды.

На телеге нас было 8 человек: Колтышев, Володя – партизан, Мингалеев, Ляпунов, Комаров и 2 человека из другого вагона.

– Люди с желтыми звездами – это евреи, обреченные на смерть, – тихо сказал Комаров.

С тротуара, через головы конвоя нам бросали куски хлеба. Многие женщины, всматриваясь в нас, плакали – видели лица родных.

У ворот дома стояли, взявшись за руки, два худеньких мальчика лет 7–8, на груди одного была желтая звезда. Конвоир поднял камень и бросил в них, они скрылись в воротах. Выбежавшая женщина с размаху бросила нам полбулки хлеба, которую на лету схватил Володя и сразу закусил полным ртом. Судорога свела челюсти, и он не мог откусить, посинел и слезы текли ручьем.

В толпе на тротуаре стоял высокий немецкий офицер. Когда первая телега поравнялась с ним, он подошел и тихо спросил по-русски: «курите?» – и тут же положил полпачки сигарет, молча пятясь, отошел на тротуар, не проявивши к себе внимания.

Телега медленно двигалась, а я глазами следил за остающимся сзади офицером, думая кто он? Вдруг наш разведчик, но уж больно рискованно так действовать, особенно, из-за такой мелочи. Заметив, что я смотрю за ним, он, не поднимая руки, кистью дал понять «Не смотри!».

Лагерь находился за городом в монастыре (Берзвич)¹. На территории этого лагеря кроме монастырских зданий были дощатые сараи – бараки.

Калек сбросили на землю, несколько раз пересчитали, сопровождая это ударами, – и все поползли в карантин. «Старые» пленные со всех сторон кричали: «Тамбовские есть? Рязанские... Новосибирские?» В общем хоре раздалось: «Уральские есть?» Колтышев закричал: «Есть уральцы!»

В этом хаосе трудно было найти друг друга, но всё же мы встретились. К нам подполз на коленях без обеих ног Бердюгин, радиотехник из г. Челябинска.

В бараке было около тысячи человек. На нары не смогли забраться, да там и не было места, пришлось лечь под нары на сырую землю около параша². Кругом стоял шум – люди знакомились, рассказывали о своих лагерях, о здешних порядках, вели обмен вещами. Общими усилиями земляки выменяли мне обрезанную до пояса шинель, теперь не хватало только брюк. Ночью, накрывшись этой шинелью, мы повёртывались и дышали друг другу в спину, чтобы хоть немного согреться.

Утром – обычное построение, но безногие не могли подняться, и нас считали на месте, при этом необходимо поднять голову, а фашист при каждой цифре больно бьёт палкой.

Колтышев, который в Порхове получил устную явку к надёжному человеку в этом лагере, с трудом смог его вызвать. Майор Семёнов, писавшийся солдатом, имел дело только с Колтышевым, видимо, остерегался нас. Передав рукописную листовку, он сказал, чтобы все были аккуратнее, так как здесь зверствует гестапо, оттуда почти не выходят живыми. Фашистам помогают такие типы как старший полицай Митька (в прошлом – советский офицер), переводчик по кличке Держиморда (выходец из России), старший повар Цыганов, врач Симоненко и другие.

В лагере было людоедство. Доведённые до сумасшествия люди, обрезали у трупов мясо, там, где оно хоть немного имелось, и ели тихонько от остальных. Фашисты, поймав таких, очень радовались. Они садили их около растерзанного трупа, воткнув в зубы кусок мяса, и фотографировали.

Естественно, вид этих людей, сидящих около трупа, по сути полудиких, тощих и в лохмотьях, представлял страшное зрелище. По-

---

¹ В рукописи указано так.

² Вместо туалета.

мещая такие снимки, фашисты писали: «Вот они, дикие большевики – людоеды».

Первейшей задачей было поддерживать дух людей. Кроме голода и издевательств на психику людей действовала фашистская агитация. Фашистские газеты «Луч», «Заря» и другие, принудительно распространяемые среди пленных, всячески клеветали на Советский Союз. Людям внушали: на Родине вас считают предателями, и, значит, ждёт расстрел. Вот-вот падёт Москва, в Красной армии нет танков и самолётов. Естественно, находились паникёры и просто растерявшиеся люди.

В день в бараке умирали от голода, ран и истязаний по 30–40 человек, поэтому мы вскоре перебрались на нары.

В бараке – сильный холод и сквозняк. По углам стоят две печки «буржуйки», для них дают немного торфа, хватающего на 1–2 часа, и все стараются пробиться к теплу.

Комаров и Колтышев с трудом протолкали меня к печке и одну ногу подсунули к самому огню. Ничего не чувствуя, я не знал, что надвигается беда. Кто-то сказал: «Хорошо пахнет, мясом!» Когда хватились – было поздно, нога распухла и покраснела, а затем не стало ступни. Володю спасти не удалось – он умер от холода и голода.

Сдать кожаную обувь и ремни потребовали полицаи, они стали срывать с ног пленных обувь. По команде шефа блока полицаи стали хлестать палками медленно снимавших обувь, а остальных – за компанию.

Прибывшие интересовались: какие здесь порядки, как кормят, бьют ли, есть ли рабочая команда, ходят ли чистить картошку? Некоторые искали земляков среди полицаев и поваров, считая это единственным путем получить поддержку.

Как шакалы ходили полицаи, осматривая пленных и отнимая у них всё, что им нравилось.

– Подходи стричься, – кричал парикмахер из пленных, стоя на одной ноге с сумкой и котелком для наживы.

Все эти лагерные придурки с удовольствием ждали этапа, обдирая прибывших или выменивая у них за бесценок последние лохмотья. Явился Митька-полицай.

– Ахтунг! – все замерли.

– Здорово, орлы! – прогремел бас обер-полицая.

– Здравствуйте, – ответило несколько голосов.

– Плохо отвечаете, – закричал он и взмахнул палкой, повторил. – Здорово, орлы!

Ответили дружнее, и он пошел между рядами, постукивая палкой.

– Комиссаров и жидов нет среди вас? Помните – полбулки хлеба каждому честному господину, указавшему их. Слушайте местный порядок. Тут карантин, пробудете здесь месяц, потом перейдете в хорошее помещение. Больных в ревир, офицеров – в отдельный благоустроенный барак. Если есть господа-перебежчики, запишитесь – условия будут еще лучше. Имеющих специальность, отправим работать. Кормим 3 раза в день. Утром чай с мармеладом, в обед горячее блюдо и хлеб, а вечером кофе.

– Сладко поет, – сказал сторожил, – я здесь третий месяц, сколько погубили людей из-за предателей, а сколько так мрет. Офицеров, верно, держат отдельно. За двойной проволокой, кормят плохо, мучают и расстреливают.

И ведь интересно получается, офицеры, зная это, пишутся рядовыми, а рядовые, думая что офицерам живется лучше, пишутся офицерами.

Был один чудак красноармеец 22-х лет – взял и записался полковником. Его спрашивают:

– Какой частью командовал?

– Дивизией.

– А какой?

Он ответил – пулеметной, ну и разоблачили.

Голодный народ не унывал. Русский солдат умеет переносить горе – он поет и в радости и в горе. Пели советские песни и старинные. Чаще всего про Степана Разина. Советские песни запрещали, По-крас – еврей, Блантер – еврей, значит, нельзя.

Перед сном в полголоса спели неизвестно кем написанную песню:

Сижу в котловане большой глубины,
Сижу и судьбу ожидаю.
Я пленный советский в фашистской стране,
Тюремную жизнь начинаю.
С оружием немцы стояли вокруг,
Свирепо на нас все смотрели.
А мы, изнуренные жалкой судьбой,
Уж пятые сутки не ели.

Нагайки и пули здесь были в ходу,
Они нас «кормили и грели».
В морозные ночи металась в бреду,
Лежа без сапог и шинели.

Томимые жаждой, не видя воды,
Последнюю слюнку глотали.
За каждую каплю холодной воды
Десятками нас истребляли.

Вшивость была исключительная. Проводя ладонью по телу, пленный набирал массу вшей – от движения руки получалась как бы веревочка из вшей. Их надоедало бить. Вытаскивая вшей, некоторые бросали их на соседей. Говорили «бросишь рубашку на пол, а она шевелится». Один даже выпорил пайку, набрав бутылку вшей.

Выявленных комиссаров и евреев иногда сразу не убивали, а собирали в отдельный барак-карцер. Это была ужасная «шайзе-команда».

Их кормили через день. Когда гнали доходяг за получением своего мизерного пайка, этих людей ставили рядом с местом раздачи баланды и заставляли плясать. Их били, и они, истощенные до предела, скакали, падали, снова вставали и скакали. С жалостью смотрели на них проходящие мимо.

– Знаешь что, – говорит один пленный, – не спасет нас одна пайка, давай бросим им одну, а одну поделим между собой.

Идя обратно, они бросили несчастным кусок хлеба. Это заметил фашист, схватил хлеб, а пленного захлестнул насмерть.

Из лагеря сбежали два офицера, причем, оба были без ног с культями ниже колен. Выйдя чудом за проволоку, они двинулись на коленях к своим. Была поднята тревога. Их вскоре поймали и принесли в лагерь. Все думали, что их сразу повесят, виселица стояла во дворе. Их положили на лавку и пороли розгами до потери сознания.

По рукам ходила написанное от руки стихотворение неизвестного автора.

К Родине

О, Россия! Край ты мой богатый,
Шелк небес, черемух майских дым.
Милые, бревенчатые хаты,
Средь берёз хрустальные пруды.

Горьких дней я прожил очень много,
На чужбине много сел исколесил,
Но скитаясь по чужим дорогам,
Я любовь к России не сгубил.

За колючей проволокой в стужу
Босиком в строю стоял.
По-пластунски ползал в грязных лужах,
Баланду в пилотку получал.
Видел, как с улыбкой гордой
У толпы, оцепеневшей на глазах,
Полицейский толстомордый
Пленного собрата плетью истязал.

Спал в лохмотьях под открытым небом,
В ямах мусорных лушпайки собирал,
Но за черствую краюшку хлеба
Честь советскую свою не продавал.
Знаю! Как осенняя листва рябины,
Эти дни сгорят, осыплются, но мне их не забыть.
Научился здесь я, на чужбине,
Родину по-настоящему любить.

Как же мне теперь не плакать,
Не вспоминать деревни русские, снега.
Если серая шинель в заплатах,
Мне теперь как прежде дорога.
Пусть в колодках стертые мои ноги,
На лице пережитого вдумчивая грусть.
Сквозь бои, сквозь дым разрывов строгих
Я в свой нежный край еще вернусь.

Знаю, опоганен мой кудрявый сад,
Где был отчий дом, там угольное тление.
Но я приду, не жаждущий расплаты пленник,
А сумевший отомстить солдат.

Надо сказать, что эти, порой нескладные стихотворения и песни задевали за живое, люди вспоминали дом, родных и близких.

Вечно голодные люди всё время говорили о еде, их так и называли – «Кулинары».

– У нас на Полтавщине делают так: разводят костёр, прогревают землю, потом берут жирного выпотрошенного гуся, заворачивают

в лист капусты и закапывают в горячую землю. Эх и прелесть – пахучее прожаренное мясо тает во рту.

– А у нас лучше – гуся начиняют сливами. Эх и аромат. А солёные огурцы с мясом – язык проглотишь.

– Это что – вот украинский борщ – не такой как в столовой.

И начинается рассказ со смакованием: чего, как и когда добавлять, когда его готовишь.

– Перестаньте, кулинары! – терпеть их не могу, но их унять невозможно.

...В барак вошли двое фашист Роккер, говоривший на ломанном русском языке, и предатель-агитатор, называвшийся Голубевым.

– Здравствуйте господа!

Тишина.

– С вами будет говорить честный русский человек – господин Голубев.

Этот «честный русский» стал говорить о новом движении под руководством «генерала А. А. Власова», призывал вступить под его знамя за освобождение России от «жидов» и коммунистов, затем стал раздавать листовки с текстом обращения Власова.

Народ отворачивался. Обескураженный «освободитель» растерялся.

Из дальнего угла раздался голос:

– За сколько ты, Иуда, продал Родину?¹

– Молчать! – закричал Роккер. – Вы неблагодарные свиньи!

Стоявшая в стороне пленная медсестра Зоя², уборщица помещения комендатуры, подошла к изменнику, потрепала его за немецкий китель и сказала:

– Эх ты, тип, взял эту фашистскую шкуру вместо советского обмундирования, – и показала на свою, хотя и старенькую, но родную советскую гимнастёрку.

Звонкая затрещина Роккера отбросила девушку в сторону, и она, встав, сплюнула кровь, проговорив:

– Ну и проститутка же ты, Голубев.

Но второй удар прервал её речь.

– Женщину-то, гады!

Зашумел народ, но Роккер стал бить сапогами лежавших, и, натешившись, они ушли, уведя с собой избитую Зою.

---

¹ Слова пленного студента Головки.

² Зоя, писавшаяся Малышевой, говорила что она москвичка.

Что это за Власов – откуда взялся этот тип? Выяснилось, что раньше он командовал армией.

Перебежчик или просто пленный?

– Самый настоящий трус и предатель, – пояснил лейтенант Кобзев, служивший ранее в этой армии.

В барак вошли немцы, полицаи и переводчик Держиморда.

– Офицеры есть?

– Молчите, товарищ капитан, – шепотом сказал Ляпунов, но переводчик услышал.

– Немедленно сюда!

Выхода нет, Ляпунов, шатаясь на искалеченных ногах понёс меня к выходу и упал, не дойдя всего 2–3 шага.

Меня забросили на средние опустевшие нары и Держиморда, не выговаривая букву Р, закричал:

– Комиссар! Жид!

Душа ушла в пятки.

– Юда?¹

– Нет, русский.

– Комиссар?

– Нет.

– По морде видно, сволочь, но мы сейчас потешимся и проверим.

Встав полукругом, вынув бумажки и карандаши, они начали пере-
крёстный допрос:

– Фамилия?

– Щедрин.

– Девичья фамилия матери?

– Дегтярёва.

– Как зовут отца?

– Борис.

– Как имя отчество тёщи?

– Александра Ивановна.

– Фамилия тестя?

– Быков.

– Имя матери?

– Глафира.

– Имя деда?

– Владимир.

– Имя жены?

– Мария.

---

¹ Еврей.

И потом вдруг снова: фамилия тестя, девичья фамилия матери и т. д., в расчёте, что если человек врёт, то он смутится и спутается. Но мне врать было нечего.

– А ну давай, братцы, замерим по-нашему, – ухмыльнулся Держиморда и после телесного осмотра и здоровенной затрещины стали проверять глубину впадения глаз, надбровные дуги, темя, отношение длины рук к длине ног, циркулем замерили челюсть и нос, причём, всё это делалось с болью. Кругом была гробовая тишина – барак замер. У фашистов и их прихвостней явно ничего не получалось.

– А ну, скажи кукухуза, – прошипел Держиморда.

Думая, что всё миновало, я бойко проговорил.

– Ехал Грека через реку, видит Грека в реке рак, сунул Грека руку в реку, его рак за руку цап.

– Ах ты, жидовский комиссар, – заорал Держиморда и кинулся с поднятой палкой.

Я закрыл глаза.

Из-под нар, как шар выкатился на коленях Колтышев, и быстро, крестясь, заговорил: «Я священник из г. Челябинска, его родители православные и были в моём приходе, я его крестил и имя дал»¹.

– Да вы все здесь гады и комиссары, мы сейчас придём с его карточкой, тогда – держитесь, – и они ушли.

Кругом загудели. «Быстрее – сюда», и меня стали передавать с рук на руки, поместив в дальний угол.

Утром отметили, что я умер, а я стал жить под фамилией Щедрин².

Барак почти опустел – народ вымер. Местная подпольная организация, о которой мы знали очень мало, хотя и чувствовали её по распространяемым листовкам и по той скромной помощи пищей, получаемой казалось бог весть от кого, делала своё дело.

Из уст в уста передавались сообщения с фронта, нелегально ходили рукописные листовки с призывом к борьбе, разоблачались «влазовцы», разоблачалась фашистская клевета на Советский Союз.

Митька-полицай был тяжело ранен упавшим с неба кирпичом³. Оставшихся живых перевели в здание монастыря. Палата № 25 – очень большая. Вдоль стен стоят трёхъярусные нары, в центре – длинный стол. Здесь лежат безногие. Над лицом многих висят верёвочки,

---

¹ К счастью не заметили, что он лишь немного старше меня.

² Как потом выяснилось, в карточке пленного осталась настоящая фамилия.

³ Впоследствии его повесили в вагоне при перевозке пленных.

чтобы держась за них подниматься при проверках. Вшей и блох – уйма, вонь от открытых ран. Люди мечутся и стонут.

Среди комнат ходит «санитар» Арсений, одичалый фашистский прихвостень, который точно выполняет приказы Ганса, шефа отделения.

Ночь. Арсений и его помощник лежат на столе. Рядом со столом стоит бадейка для желающих оправиться.

Все знают указание Ганса: если при исполнении этого желания человек выпускает газ, тем более со звуком, Арсений тут же должен его убить.

От такой пищи человек обычно оправлялся 1 раз в 5–6 дней, причём с болью и, конечно, с помощью товарища.

В ночной тишине кого-то приспичила нужда, и он попытался ползти, издав при этом звук. Арсений тут же вскочил и зажёл лучину, но калека юркнул назад и затих.

– Кто собирался с...? – спросил он.

Все молчат, и он пошёл к нарам, освещая лучиной людей.

Увидев безногого пленного, он воскликнул:

– Э! Да тут сталинский сокол!

И в одно мгновение он сбросил с верхних нар безногого и стал хлестать его дубинкой, отдав лучину напарнику. Избиваемый только кричал, обливаясь кровью.

– Ори, гад! – запыхавшись говорит бандит, – что не ревёшь?

– Мингрелы никогда не плачут, они всегда поют, а я к тому же – коммунист.

Так и забили патриота, чьё имя осталось неизвестным.

Утром Ганс, принимавший рапорт Арсения спросил:

– Сколько сдохло за ночь, почему мало?

– Плоходохнут, герр Ганс, хоть мы и стараемся.

Из лагеря совершили побег два офицера – оба без ног, с культями ниже колен. Выйдя чудом за проволоку, они двинулись на коленях к своим. На что рассчитывали эти герои, понять трудно, до фронта было много сотен километров. Побег обнаружили не сразу, но их поймали трое фашистов, увидев идущими на коленях по дороге, и принесли в лагерь. Все думали, их тут же повесят – виселица стояла во дворе, но солдаты бросили их на землю и с удивлением говорили «Русь, Русь!».

Преданность, твёрдая вера в победу и большое мужество удивили даже таких извергов, как фашисты.

Пришло время и мы влились в подпольную группу.

Конспирация здесь была исключительная. Людей тщательно проверяли. Работали тройками. Большинство знали лишь двух человек: того, кто его вовлёл, и кого он вовлёл. При этом в случае провала цепь разрывалась, и страдало минимум людей.

Возглавлял группу, как это стало известно позже, майор Зазулин.

После очередного массового уничтожения, где наших пытали, обливая поочередно кипятком и ледяной водой в так называемом санблоке, оставшихся в живых перевели в деревянный барак, готовя к отправке. Здесь произошёл провал.

Фашисты подозревали о существовании какой-то организации пленных, но обнаружить её не могли. В барак подослали провокаторов.

Арестовали 16 человек. Несмотря на пытки, люди молчали. Мужественно погибли Г. М. Степанов, С. И. Яковлев и другие, не проронив ни слова.

Предатель В. Кузнецов (из Воронежской области) выдал трёх политработников. Ганс с группой солдат дико издевался над ними, а потом их повесили. Умирая, Москвин крикнул:

– Боритесь!

И повис, не докончив завещания остающимся мученикам.

Через два дня ночью состоялся суд. В одном из углов барака, где лежали надёжные люди, поставили предателя около нар.

Лейтенант предъявил ему обвинение в измене Родине и объявил:

– Именем революционной законности приговариваем тебя за измену Родине к смертной казни. Кровь за кровь! Если крикнешь – захлестнём. Чтобы не марать об тебя руки – вот петля, привязанная к стропилам, задавись сам.

Предатель стоял бледный, руки его тряслись.

– Товарищи, простите меня ради моей русской матери, – взмолился он, стоя на табурете.

Момент был тяжёлый, а тут я, не выдержав, подлил масла в огонь:

– Не могла русская мать родить такого бандюгу.

Этого было достаточно, чтобы из-под его ног вылетела табуретка.

Вскоре мы стали стучать в стену, вызывая охрану. Явился дитерофицер и два солдата.

– Товарищ задавился, – сообщили мы.

Они переглянулись, и дитер, заподозрив что-то, спросил: «Полицай?»

– Нет, нет, патриот, задавился с тоски по Родине.

Они улыбнулись и ушли.

На другой день после обеда вспомнили о предателе.

– Интересно получается, – говорит Васильев, – видишь ли, сын вспомнил о матери? Любил ты мать, любил бы и Родину? Вот послушайте два не совсем складных, но от души написанных стихотворения.

Мать

Где ты, мать? А помнишь ли ты сына,
Что тобою крепко был любим?
Я живу, но жизнь моя постыла,
Я измучен, жалок и один.
    Помню, мать, как ты благословляла
    В бой меня за Родину свою.
    Помню, мать, как ты тогда сказала:
    «Ты умрёшь, и я тогда умру!»
Долго мы в бою упорно дрались.
Не хватило сил прорвать кольца.
Немцы чёрной тучей навалились –
И тогда связали молодца.
    Завезли меня в страну чужую,
    Вокруг шахт тут наши лагеря.
    Растерзают душу здесь любую
    с палачами штейгеря.
Обвили колючей паутиной,
Не дают ни есть, ни пить, ни спать.
Здесь так страшно кровь по жилам стынет,
Если б знала ты, родная мать.
    Я бы улетел, да крылья перебиты,
    Паутиной крепкою обвит.
    Калечат нас фашистские наймиты,
    И я как русский буду здесь убит.
Хватит сил – приди к нашим кладбищам,
Здесь нас много, тихие лежим.
Поклонись холмам могильным,
Ведь в одном из них лежит твой сын.
    А ещё, когда война остынет,
    Поклонись ты мать, родной стране.
    Попроси прощения за сына,
    И тогда полегче будет мне.

Автор неизвестен

Письмо матери

Здравствуй, мать! Прими письмо от сына,
Шлю привет тебе издалека.
Да, я жив, но жизнь моя разбита,
Одинока, нищенски горька.

В нашей жизни широка дорога,
В нашей жизни много перемен.
Не суди меня, родная, строго –
Так уж вышло, что попал я в плен.

Завезли меня в страну чужую,
Но душою всей тебя любя,
Вспоминаю часто я о доме,
Вспоминаю часто про тебя.

Помнишь, мать, работал на заводе,
Веселился, пел, как весь народ.
И ты часто-часто ожидала,
Ожидала сына у ворот.

Жаль одно, что брата не увижу,
И жену уж где теперь найти.
Рад тебя, родная, не обидеть,
Но когда и как тебя найти.

Что ж, писать кончаю, до свиданья.
Хоть умру, не сдамся никогда.
Пусть летят к тебе мои страданья
И любовь к Отчизне навсегда.

Автор неизвестен

Мы попали на этап в городской рефир, размещавшийся в городе Глубокое на Советской улице. В соседнем доме тоже за проволокой находилась рабочая команда пленных, а напротив – немецкая комендатура.

В рефире было два врача – Степан Борисович Соколов и Леонид Селивёрстович Первосторонний, и фельдшера – Сиводед, Филатов и Павлик.

Шеф рефира по прозвищу «Пантера» издевался над калеками, под стать ему был и русский комендант лагеря Тимошенко, страшный самодур, ненавидящий русских, особенно, офицеров. Лучшее впечатление оставлял полицай Гриша, который ходил с палкой и бил по

приказу Тимошенко, но всё же чувствовалось, что он ещё не совсем потерял себя. Кроме этих лиц, было ещё человек 20–30 пленных.

На вопрос «Где люди, жившие здесь до нас?», нам рассказали страшную историю.

В ревире находились больные и инвалиды, среди которых было много офицеров. Естественно, они не сидели, сложа руки, и вели сильную борьбу. И вот однажды, по словам старожилы ревира, их забрали и сделали каждому укол¹. Умерших оформили как скончавшихся от ран.

Прибывших разместили на первом этаже, и, из-за нехватки мест на нарах, наша группа оказалась под нарами. Обслуживающий персонал относился хорошо, чувствовалось чьё-то влияние. Явки к местной подпольной организации мы не имели, так как никто не знал судьбу сидевших здесь людей. А слухи об их уничтожении были ещё в лагере. Через 4 часа стали раздавать обед, запах пищи был исключительно приятный.

Старший санитар стал разливать жирный суп с мясом. Это было как во сне. Народ не знал, как приступить к еде, руки тряслись. Эх, и хорошо здесь кормят, просто чудо.

– Не больно хорошо, – сказал санитар, – скажите спасибо партизанам. Они недавно устроили здесь хороший концерт фашистам. В лесу валялись убитые лошади, вот мы выпросили одну, всё равно давно валяются на морозе.

Это было 22 декабря.

– Сколько Вам лет? – неожиданно спросил санитар.

– Сегодня – 30.

– Вот как? Тогда вам как имениннику – подарок от партизан, – и он улыбаясь подал лытку конской ноги.

Разбить кость нечем и мы, лежащие рядом, грызли её по очереди. В итоге, я выломал себе два зуба и стал шепелявить.

Ночью рядом умирал боец – сибиряк Медянский:

– Подними, браток, мою голову, я задыхаюсь.

Лёжа на моей руке и груди, он рассказал немного о себе и сказал: «Держись студента Головки, он – свой», – и умер, навалившись на меня.

Так я и лежал под трупом до утра, пока товарищи не освободили меня из-под него.

---

¹ В вены ввели воздух.

До обхода Тимошенко открывали двери на улицу – проветривали. Мороз белыми густыми тучами врвался в помещение и пробирал до костей, особенно лежащих на полу.

– Ахтунг! – в палату вошёл Тимошенко.

Старший санитар сдал рапорт. Тимошенко был стройный красивый мужчина в новой шинели и сапогах, на седой голове красовалась «кубанка».

– Где здесь офицер? – спросил он.

Его подвели.

– Вылезай!

– Не могу.

Санитары вытащили меня к его ногам.

– Капитан?

– Да!

– Откуда родом?

– Из Челябинска.

– Из Челябинска? – удивился Тимошенко.

Попал, думаю я, наверно, земляк.

– Вы тоже из Челябинска – земляк?

– К чертовой матери таких земляков, – плюнул Тимошенко. – Я вольный казак с Кубани, а не раб!

«И мне не надо таких земляков», – подумал я.

– Русский?

– Да!

– Крещеный?

– Да!

– Чем командовал?

– Батальоном!

– Гм, – крикнул Тимошенко. – Я с тобой поговорю еще отдельно. Что-то тут не то. Эй, Андрюшек! Ежедневно давай этому сталинскому офицеру добавку – поллитра баланды, – и ушел.

– Знаете, товарищ капитан, какая это сволочь Тимошенко. Над нами издевается, ходит свободно в город и пропивает награбленное с шефом. Он еще и к Вам придерется. Недавно по его указанию убили майора и выдернули золотой зуб.

Среди пленных был боец Белорусов, получавший дополнительно пол-литра баланды за обслуживание Тимошенко.

У Тимошенко была отдельная уборная, но и этого ему казалось мало. Для него изготовили круг из тряпок, который Белорусов обя-

зан был держать в чехле и хранить под головой, а в нужный момент подкладывать под зад Тимошенко, когда тот шел в туалет.

Только выйдет Тимошенко, а дежурный санитар кричит: «Белорусов, к выходу». А пленные подкалывают: «Белорусов, Тимошенко с...ь пошел!»

Контакт с Головко был установлен, а через него и с патриотически настроенными людьми. Но тут произошло недоразумение. Кто-то пустил слух, что среди прибывших есть офицер-перебежчик и его настоящая фамилия Пахоменко, а офицер был я один, вот и попал под подозрение.

Меня нет-нет и снова спрашивали, как моя настоящая фамилия. Потом зашел санитар Павлин и крикнул: «Кто здесь перебежчик? Надо записаться и получать усиленный паек!»

Естественно, никто не откликнулся, а он подозрительно посмотрел на меня.

Я понял, что меня подозревают и тут же сообщил друзьям. К счастью, всё быстро выяснилось. Оказывается, Пахоменко действительно был, но он попал в рабочую команду, кстати, он не был офицером.

Головко через надёжных людей получал сведения, хоть и скудные, о делах на фронте, иногда добывали немецкие сигары. Тщательно следили за подозрительными людьми и изолировали их. Под разными предлогами проводили беседы. Через Абрамова доставали дополнительную пищу и делили её между тяжелобольными, особенно, патриотами. Умело использовали распространившуюся в плену склонность к разгадыванию снов.

– К чему это я сегодня во сне видел лошадь?

– Это не к добру – будет ложь.

– Но вот в чем дело, я лошадь держал, а она вырвалась и убежала, а мне не жаль, даже стало легче.

– Это другое дело, значит, клевета отпадает.

– А к чему видеть во сне вшей?

– Да, ты их наяву видишь, что тебе еще надо?

– Нет, я серьезно, ведь с таким удовольствием я их сгребал в кучу.

– Это обычно к деньгам, но где ты их здесь возьмешь? Значит, к лишней порции баланды.

– Вы не смейтесь – сны сбываются. Я раз видел во сне, что сучил нитки, а на утро попал в дорогу на этап.

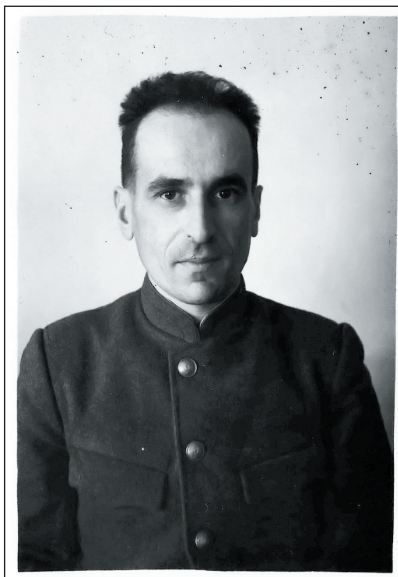
– А я, друзья, вот уже второй раз вижу один и тот же сон, – говорит друг Головко. – Какое-то бурное озеро, по нему ходят большие вол-

ны, гремит гром и сверкает молния, и нас в этом озере много, и мы тонем. Все барахтаются и выбиваются из сил. К терпящим бедствие с двух сторон плывут люди. С одной стороны – советские бойцы, они спешат, а вокруг них – кровь, они гибнут, но рвутся вперед и бьют врага, отгоняющего их от нас. С другой стороны – какие-то непонятные люди, вроде не советские, и тоже идут нам на помощь, но уже больно медленно, часто отдыхают и не особенно энергично отбивают врага. А около гибнущих, как змеи, вьются какие-то существа, похожие на чертей с оскаленными мордами, вонючей слюной плюют в сторону советских бойцов и предлагают гибнущим серебряные деньги. Кто схватит эти деньги, сразу идет на дно, только пузыри всплывают, затем лопаются и из них тянется смрад. Большинство отбивается от этих чертей и плывет навстречу красноармейцам, затем совместными усилиями бьют врагов и этих чертей. Потом я вдруг вижу свою старую родную мать, как-то становится приятно, и я просыпаюсь.

Все сосредоточено молчат, вздыхают.

– Мне кажется сон дельным, – говорит Головка. – Враги нас бьют, предатели хотят купить за тридцать серебряников, а братья, обливаясь кровью, идут нас спасать. Идут и союзники, но уж очень медленно, думают на чужом инструменте в рай попасть. Безразличные люди, павшие духом гибнут, а ведь мы в долгу у Родины, а присяга? Предатели-черти – это вонючки, что о них говорить, их надо истреблять. А те, кто любит Родину и остался верен присяге, идут на встречу своим и совместными усилиями добывают свободу, Родину-Мать.

– Молодцы, ребята, лучше всякой лекции, – шепчет мне Колтышев.

М. Б. Щедринский
после возвращения из плена

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На этом записи Михаила Борисовича прерываются. Лишь из личных бесед родственники Щедринского установили, что же происходило с ним дальше.

За время пребывания у фашистов Михаил Борисович прошёл семь концлагерей, но дух его не был сломлен. Из-за перебитых ног ходить он так и не стал, но, даже ползая на коленях, он жил с высоко поднятой головой. Вселял веру в победу нашей страны, поддерживал моральную и политическую устойчивость.

Когда к концлагерю приближались советские войска, фашисты решили истребить военнопленных, уничтожить следы преступления. Только за одну ночь было убито 130 тысяч человек. Подпольная организация, в которой работал Щедринский, готовила восстание. Пленные перебили охрану, захватили в плен начальника лагеря и подняли советский флаг.

Осенью 1945 года в Асбест пришло письмо, в котором Щедринский писал, что он жив и скоро вернётся домой. Домой он приехал на костылях постаревшим и исхудавшим (весил 38 кг). Не хотел быть обузой для семьи, пошёл работать – поступил в техотдел Ураласбеста. После войны он очень много сделал для асбестовой промышленности.

Для улучшения работы предприятий и оснащение их научными разработками, М. Б. Щедринский, К. А. Кржиченовская и Г. Я. Лисин создали научно-исследовательский институт «НИИПРОЕКТ». Это предприятие вело большую научную деятельность и сыграло важную роль в развитии комбината «Ураласбест».

22 года Михаил Борисович бесценно являлся одним из ведущих специалистов. Под его руководством выполнено более 50 научно-исследовательских работ в области совершенствования работ технологии обогащения. Занимаясь научной деятельностью, Щедринский принимал активное участие в работе групп по разработке и установке пылеуловителей, так как асбестовая пыль оседала на город, фильтры очищали воздух города и улучшали работоспособность рабочих.

Хорошо зная «обогащение руды» и зная, что комбинату нужны грамотные рабочие и специалисты, Михаил Борисович преподавал на курсах в Учебном комбинате и Асбестовском горном техникуме, вёл дипломников

Свердловского горного института. В директоров студенты превращались, умножая славу Комбината.

Ведя преподавательскую деятельность и ощущая нехватку учебной литературы, Щедринский, в соавторстве с Э. К. Мюллером и А. В. Волеговым выпустил единственный учебник «Обогащение асбестовых руд». За этот труд имя Михаила Борисовича Щедринского занесено в «Большую Советскую Энциклопедию».

Хотелось сделать ещё многое. Но здоровье было основательно подорвано. 30 августа 1971 года Михаила Борисовича не стало. Ему было 57 лет. Как реликвии сейчас хранятся в семье котелок и бирка-номер из концлагеря. Его внуку, полному тёзке, Михаилу Борисовичу Щедринскому, семья доверила сохранить самое ценное – рукопись деда.

Закончить повествование хотелось бы словами Михаила Борисовича из письма с фронта: «Знайте, помните и никогда не забывайте, мои родные, что русский народ – самый большой, самый великий! Мы перенесли все ужасы ада, мы победили! Наша победа завоёвана не только штыком и гранатой, она завоёвана духом советского человека!».

Михаил Борисович делится воспоминаниями

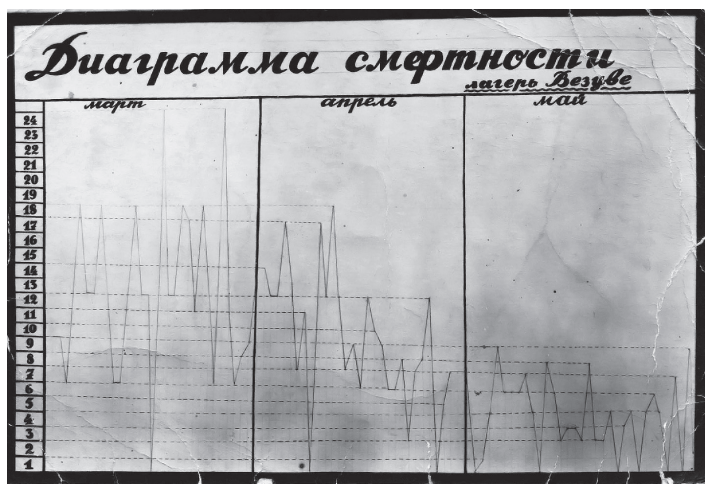

Диаграмма смертности в лагере Везуве

Начальник концентрационного лагеря Везуве
капитан Альберт Майдер

М. Б. Щедринский

М. Б. Щедринский,
капитан, командир батальона 397 стрелковой дивизии
1 Ударной армии Северо-Западного фронта

Столовая офицерского собрания полка. Везуве, 1945 г.

Освобожденные из фашистского плена из концлагеря Везуве.
Группа советских офицеров инвалидов
после месячного лечения и кормления в новом помещении

М. Б. Щедринский с друзьями (слева).
В белой рубашке Борис Абрамович Токарев

На Первомайской демонстрации

М. Б. Щедринский с женой

Семья Михаила Борисовича Щедринского

Внук М. Б. Щедринского Михаил Щедринский

Котелок из концлагеря

Михаил Щедринский у музейного стенда,
посвященного памяти М. Б. Щедринского

Литературно-художественное издание

М. Б. Щедринский

ЗАПИСКИ ИЗ ФАШИСТСКОГО ПЛЕНА

Текст дается в авторской редакции

В оформлении использованы фотоматериалы из семейного архива

М. Б. Щедринского и открытых интернет-источников

Оформление и верстка *А. Ю. Тюменцева*

Подписано в печать 13.01.16. Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 7,42. Тираж 100 экз. Заказ № ____
Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Издательский дом „Ажур”».
620028, Екатеринбург, ул. Восточная, д. 54.
Тел.: +7 343 350 78 28, +7 343 350 78 49. E-mail: azhurek@mail.ru